

БОГДАН СУШИНСКИЙ

КАЗАЧЬЯ СЛАВА

Французский поход

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Время героев

Богдан Сушинский
Французский поход

«ВЕЧЕ»

2012

Сушинский Б. И.

Французский поход / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Время героев)

Сюжетно этот роман является продолжением романа «На острие меча». После успешных переговоров, во время которых не обошлось без интриг, Б. Хмельницкий и И. Сирко возвращаются в Польшу и Украину. Здесь они формируют отряд казаков-добровольцев, которые во главе с князем Одаром-Гяуром и полковником Сирко на судах отправляются из польского Гданьска во Францию. В это время французские войска во главе с принцем де Конде предпринимают несколько штурмов крепости Дюнкерк, но все они оказываются безуспешными. Вовремя прибыть к месту назначения, чтобы, высадившись, по суше идти к Дюнкерку, казаки не смогли. Наткнувшись на испанскую эскадру, они в ночном бою берут ее на абордаж, а затем принимают смелое решение: прорываться ночью по каналу в порт Дюнкерк, чтобы с ходу штурмовать крепость со стороны моря. Такого нападения испанский гарнизон, не ведавший о прибытии казаков, никак не ожидал...

© Сушинский Б. И., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	12
4	15
5	18
6	20
7	22
8	24
9	27
9	29
10	30
11	32
13	35
14	37
15	39
16	41
17	43
18	45
19	47
20	50
21	52
22	54
23	57
24	60
25	63
26	66
27	69
28	70
29	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Богдан Иванович Сушинский

Французский поход

Часть первая

Перст судьбы

В любой стране престолонаследников, как и престолоотступников, всегда в избытке.

Вопрос лишь в том, кто в данную историческую эпоху оказывается более востребованным.

Автор

1

Неожиданный отъезд короля Владислава IV из Варшавы был похож на бегство. Да, и на бегство – тоже.

С тех пор как в королевском дворце появилась новая хозяйка, Мария-Людовика Гонзага, из святого места государства, где должны свершаться богоугодные дела и пророчески, на века, задуманные деяния, обитель эта все больше превращалась то ли в парижский театр перед легкомысленным спектаклем, то ли в загородную виллу куртизанки.

Вот почему Владислава все сильнее тянуло сюда, в Краков, в древнюю столицу Польши, к духам воинственных предков, к легендарной чистоте их помыслов и нравов.

Сочетаясь после смерти королевы Цецилии брачным союзом с Марией-Людовикой Гонзагой из королевской династии Бурбонов, Владислав IV рассчитывал, что это сблизит две могучие европейские державы и Польша наконец-то приобретет надежного союзника в извечной борьбе против Турции, Швеции и Московии. Однако король и его советники не учли одного обстоятельства, которого просто не имели права не учитывать: ко времени их священного брака Франция уже находилась в вихре кровавой круговерти.

После того как много лет назад кардинал Ришелье объявил поход против европейского католического союза, так и по сей день протестантская Франция пребывала в состоянии войны с иезуитской венской коалицией. Причем войны, совершенно не нужной Парижу, изнурительной и бессмысленной в самом своем замысле.

«Так на какие же союзнические обязательства Франции может рассчитывать в такой ситуации король Польши? – спрашивали себя политики, не опьяненные красотой Марии Гонзаги. – Это все равно, что вступать в брак с дочерью погорельцев».

А вот то, что вконец ослабленная почти двадцатипятилетней войной Франция с помощью Марии Гонзаги яростно пытается втянуть Речь Посполитую в борьбу против Испании и всего иезуитского ордена, стало очевидным уже с первых дней.

Причем новая королева-француженка принялась вовлекать Польшу в эту авантюру с такой безоглядной яростью, словно совершенно не понимала, что может погубить этим все королевство. Теперь уже... ее королевство. И что нельзя политику превращать в «танец сумасшедшей на пепелище». Еще немного, и против ее двора могло восстать все иезуитство Речи Посполитой.

Пожалуй, только самой королеве не было ясно, что святые отцы ордена давно стремятся превратить свое братство в Польше чуть ли не в меченосный призрак Тевтонского ордена. А если черная туча иезуитства окрепнет и окончательно окутает польские земли, то кто, какой

пророк способен предречь, когда грянет очередная, спасительная Грюнвальдская битва, в которой на сей раз поляки будут истреблять поляков?

Советники не раз призывали короля быть осмотрительнее, не позволяя втягивать себя в авантюры «плутоватого италяшки» Мазарини, кардинала и первого министра Франции. Но вскоре поняли, что все их предостережения бессмысленны.

– В пантеон королей? – вежливо осведомился маршалок-распорядитель королевского двора, как только король вошел в старинный краковский дворец.

Даже не сняв с себя плащ, Владислав усталой походкой прошел вслед за управителем дворца и своим секретарем в большой полукруглый зал, все окна которого выходили во внутренний дворик-сад. Не проронив ни слова, король дождался, когда секретарь и управитель оставят его, и лишь тогда вышел на середину зала. Массивные, почерневшие от времени дубовые своды, такие же массивные лавки у стен, а в конце зала, на возвышенности, – высокое кресло, которое вполне можно было бы назвать тронном.

Все стены этой суровой рыцарской обители были увешаны портретами королей и оружием. А вдоль них **маялся вечностью** добрый десяток закованных в панцири, кольчуги и шлемы статуй. Похоже было, что тени погибших рыцарей преданно охраняли такие же тени давно забытых королей.

В сущности, это был настоящий музей, в котором часами можно осматривать мечи, сабли, кинжалы и копья, сработанные мастерами чуть ли не всех эпох и стран мира; любоваться мастерством **кузнецов-панцирников**, восхищаясь красотой украшений, облагораживающих рыцарские и королевские шлемы, рукояти мечей и нагрудные щиты.

В последние месяцы Владислав чувствовал себя все хуже и хуже. Еще в молодости подорванный, истощенный организм его уже почти не сопротивлялся всевозможным хворям, и они атаковали его одна за другой, оставляя на пожелтевшем морщинистом лице все более отчетливую печать.

Конечно, король уже не мог позволить себе участие в военных походах. Даже такие безобидные поездки в карете из Варшавы в Краков с частыми остановками и прогулками становились всё тягостнее для него, и Владислав IV всерьез помышлял о том, чтобы провести последние годы, а возможно, уже только месяцы, в Кракове.

Вероятно, король так и поступил бы, если бы душа его была спокойна за то, что может произойти в это время в Варшаве, где вместо него сразу же начнет править Мария Гонзага. Вернее, будет пытаться править. Ибо на самом деле она всего лишь станет выполнять то, что ей повелят канцлер и коронный гетман.

«А как она рвется к власти! Как рвется! Кто бы мог предположить такое?!» – подумал Владислав, снимая один из самых больших рыцарских мечей.

Острие его сразу же врубилось в пол, и король почти с ужасом ощутил, что ему трудно, очень трудно поднять это оружие, чтобы удерживать его на весу. Владислав даже испуганно оглянулся: не видит ли кто-нибудь? Да нет, кто осмелится? Подданные имеют право быть свидетелями величия королей, а не их бессилия.

Взявшись за меч обеими руками, правитель взмахнул им раз, второй и сразу же почувствовал, как побагровело лицо, «взбунтовались виски», выступили капельки пота на челе...

«На рыцарском поединке я не продержался бы с этим мечом и минуты, – с обреченностью сформулировал он сам себе приговор. – Даже минуты. А ведь еще не стар. Не стар же еще, черт возьми! К тому же ничего не сумел сделать для Польши. Ничего. Равно как и для собственного бессмертия».

Аккуратно водрузив меч на отведенное ему место под преисполненным истинно королевского величия портретом Стефана Батория, государственная мудрость и воинская доблесть которого вызывали у него искреннее уважение, правитель еще некоторое время с почтением всматривался в черты лица своего кумира.

Да, в этом зале все было пронизано духом рыцарства и многовековой истории Польши. Попадая в него, Владислав начинал чувствовать себя окруженным королями-предшественниками, которые – кто с интересом и надеждой, а кто с насмешкой и недоверием – ждали его очередного решения. И он старался быть достойным своих славных предков, в галерее которых, очевидно, скоро займет место и его, Владислава IV, портрет. Да, очень старался. Хотя в последнее время это удавалось все реже, и вряд ли придворные хронисты смогут скрыть сие от потомков. Тем более что слишком уж много развелось бездарных хронистов. Причем всякий норовит как можно быстрее укатить в Париж, чтобы издать там собственную «Историю Польши».

Куда лучше обстояло дело с портретом для «пантеона королей». Он был написан голландским портретистом еще год назад и теперь ждал своего часа. Увы, он уже, действительно, ждал этого рокового часа.

...То важное решение, к которому король пришел после долгих раздумий, он хотел принять именно здесь, в этом рыцарском зале, «пантеоне королей».

Прежде чем приблизиться к «норманнскому трону», чтобы, сидя на нем, еще раз спокойно все обдумать, король медленно обошел всю портретную галерею витязей-правителей Польши.

Сигизмунд III Ваза. Сигизмунд II Август. Владислав Локеток, короновавшийся в 1320 году здесь же, в Кракове, за которым навечно сохранится слава создателя единой польской державы, Великой Польши... В самом деле, разве не он в великих битвах и в не менее великих трудах собирал под свое королевское крыло разрозненные польские земли?

А рядом – Владислав II Ягайло. Победитель, или, как его еще называли, «святитель» Грюнвальдской битвы, вознесший Польшу на вершину европейской воинской славы. Разгромив тевтонцев, а вместе с ними и цвет почти всего европейского рыцарства, Ягайло на многие годы облегчил судьбы исконно польских земель – Мазовии, Добжынии, Куявии, Хелмщины.

Именно Ягайло, ставший, уже в качестве Великого князя Литвы, мужем королевы Ядвиги, основал, укоренил и тут же возвеличил новую королевскую династию – Ягеллонов, к которой принадлежит и он, король Речи Посполитой Владислав IV.

Да, это решение он должен принять сейчас и именно здесь. Все достойное величия предков должно исходить из этого зала, освящаясь при этом все еще могучим духом Ягеллонов.

2

«...Впрочем, вся эта полуромантическая история уже принадлежит воспоминаниям, которым не время предаваться в двадцати шагах от поля боя, – решил д'Артаньян, впадая в уже привычную и всегда такую спасительную солдатскую дрему. Но едва он предался неге, как кто-то принялся тормошить его.

– Кто здесь?! Что случилось? – нервно подхватился мушкетер, которому как раз то ли снилась, то ли просто чудилась дуэль, на которую он якобы вызвал турка Гафиза.

– Тише, господин граф, тише. Это я, Серж. Я принес ключ.

– Какой еще ключ?

– Оказывается, в здании пансиона есть черный ход, со стороны глухой стены, за которой начинаются скалы. По моей просьбе ключ от него передала служанка Иллирия. Кстати, потрясающая женщина.

– Ты что, с ума сошел? Мы же приехали сюда не для того, чтобы выкрадывать баронессу Лили фон Вайнцгардт.

– Если понадобится, выкрадем, – спокойно заверил Серж. – А пока что попытаемся спасти.

– Даже так, спасти?! От кого именно, позволь узнать?

– Какая разница: от турка, от рыжего шотландца, от самой маркизы... Там узнаем. Главное – не терять времени, если только не хотим опоздать.

Сержант говорил все это столь решительно, что д'Артаньян не отважился ни подвергнуть его слова сомнению, ни терзать расспросами.

Как выяснилось, слуга все продумал. Преодолев ограду, они незаметно выбрались из усадьбы и подошли к стене, опоясывающей пансион. Там, в одном месте, к самой стене подступал большой валун. Серж быстро положил на камень и стену валявшийся неподалеку сухой ствол дерева, и через несколько минут они уже были на территории пансиона «Мария Магдалина» со стороны черного входа.

– Основной вход охраняет шотландец, – вполголоса объяснял Серж. – Если Гафиза служанке Иллирии навязывают, то в этого варвара-северянина она сама немножко влюблена. Вот и сейчас элинка усиленно отвлекает его.

Замок поддался с трудом, видно было, что им давно никто не пользовался. Войдя в здание, Серж вновь закрыл дверь, а ключ положил в карман.

– Оставь дверь открытой, – посоветовал д'Артаньян.

– Пусть ее откроет тот, кто пожелает войти сюда.

– Не закричала бы Лили.

– Она предупреждена. А кроме того, она – саксонка.

– Разве что, – усомнился во всех этих предосторожностях д'Артаньян. Он твердо знал, что никакие предупреждения не помешают девицам поднять шум и даже впасть в истерику, поскольку это у них в крови.

Как и было условлено, Серж остался внизу, спрятавшись под лестницей, а д'Артаньян медленно, стараясь ступать так, чтобы не скрипнула ни одна ступенька, поднялся наверх.

«Пансионесс», как обычно называла воспитанниц сама владелица пансиона, еще не спали. Из нескольких комнат доносились приглушенные голоса. В комнатке, соседствующей с той, в которую нужно было проникнуть, две девушки негромко напевали песенку о рыцаре в красном плаще, который постучит в их окно, чтобы похитить и увезти в далекое королевство.

«Он уже здесь, этот рыцарь, – ухмыльнулся в усы д'Артаньян. – Не заржала бы только лошадь под окном».

Дверь легко поддавалась, но тут же предательски закрипела. Хорошо еще, что д'Артаньян сумел проскользнуть внутрь, прежде чем какая-либо дверь успела приотвориться.

– Вы, граф?! Все-таки вы пришли, решились? Это мужественно. – Лили стояла посреди комнаты. Рядом, на столе, горели две свечи. Девушка была вся в белом: платье, туфли, белая прозрачная накидка на голове. Она казалась совершенно спокойной и улыбалась безмятежно, как ребенок, увидевший сказочного принца.

– Я ждала вас с самого утра. Даже потребовала у маман Эжен, чтобы она позволила увидеться с вами. Но она, конечно, не позволила.

– Вы похожи на невесту, Лили.

– Мне и хотелось быть похожей на нее.

«Что это ты нафантазировала себе, милая моя?!» – изумился про себя д'Артаньян. Он ожидал чего угодно, только не безмятежной улыбки этой девушки, очевидно, всерьез уверовавшей, что он явился, чтобы похитить ее.

– Как там мой брат? – Граф поднял одну из свечей и, прежде чем погасить ее, осветил лицо девушки. Хотя и так видно было, что оно озарено какой-то необычной, холодной красотой. Словно освещенный полярным солнцем айсберг.

– Свечи нам придется погасить.

– Да, конечно, – почти прошептала Лили, все еще не сводя с мушкетера восхищенных глаз.

– Но из этого ничего не следует, – предупредил граф, погасив сначала одну, затем другую свечу.

– Естественно, – так же невозмутимо согласилась Лили.

Несколько минут они стояли рядом. Д'Артаньяну чудилось, что он ощущает, как то поднимается, то опускается прекрасная, четко очерченная грудь девушки.

Идя сюда, лейтенант поклялся, что не притронется к девушке, во всяком случае, этой ночью. Он перестал бы уважать себя, если бы воспользовался сложным положением, в котором оказалась Лили.

Другое дело, что мушкетер совершенно по-иному представлял себе саму их встречу. Он ожидал увидеть испуганную, затравленную девчушку, ждущее спасения существо, к которому и притронуться-то грешно. Увидел же... Вот именно, увидел...

– Вам придется лечь в постель, баронесса.

– Да, конечно.

– Но из этого ничего не следует.

– Естественно.

– Так ложитесь же. Я отвернусь.

– Да, конечно.

– И буду стараться не смотреть на вас, лежащую.

– Естественно, – продолжала баронесса поражать мушкетера своим спокойствием и лаконизмом.

Д'Артаньян не мог разглядеть ее лица, но ему казалось, что девушка все еще продолжает так же мило, невинно улыбаться, как улыбалась, впервые увидев его в комнате.

Лили сняла туфли и, не раздеваясь, легла, набросив на себя легкое покрывало.

– Что бы ни случилось, вы не должны пугаться, Лили. И помните: я с вами.

– Да, конечно. Вы так и не сказали, как там мой брат, барон фон Вайнцгардт.

– Сражается, как истинный саксонец.

– Естественно, – тем же ровным, невозмутимым голосом согласилась Лили. – Он настоящий саксонец. Надеюсь, когда-нибудь станет королем Саксонии. Или же ее маршалом.

– Тогда уж позвольте и мне задать еще один вопрос, баронесса, после чего нам придется молчать до тех пор, пока здесь кто-нибудь не появится.

– Вопрос касается Амелии?

– Вы проницательны.

– Ее убили, – и вновь д'Артаньян был поражен тем, с каким спокойствием – не безразличием, а именно спокойствием – сообщила об этом Лили. Каким мужеством нужно было обладать, чтобы говорить так о гибели подруги, которая еще недавно спала на соседней кровати.

– И вы знаете, кто это сделал?

– Естественно. Турок Гафиз. Думаю, он придет и этой ночью. Если только вообще кто-нибудь придет.

– Тогда, возможно, вы знаете, почему ее убили? И сможете назвать причину?

– Естественно. Маркиза Дельпомас-заядлая лесбиянка. Вы знаете, что это такое?

От неожиданности д'Артаньян поперхнулся.

– Да, для мужского понимания это сложно.

– И все же посвящать меня в тонкости этого занятия прямо сейчас – не стоит, – попытался упредить ее мушкетер.

– Естественно. Так вот, однажды маркиза решила заниматься этим с Амелией. Но та учинила скандал, выскочила из спальни и даже попыталась поднять пансионесс на бунт. Из этого, правда, ничего не вышло, тем не менее такого поведения маркиза ей не простила. С моей помощью она выманила Амелию за калитку, ведущую к реке, как бы организовывая ее побег. Но я-то ничего не подозревала, естественно.

– И все? Причина убийства только в этом?

– Из нас готовят придворных дам-заговорщиц, как я понимаю. А значит, мы должны уметь молчать. При любых обстоятельствах. Амелия не умела. Разве этого недостаточно?

– Чтобы говорить как можно тише, д'Артаньян осторожно придвинул свой стул к кровати Лили, после чего оперся локтем на подушку. Теперь уже ничто не мешало ему обнять девушку, даже попытаться поцеловать, настолько она казалась предельно расслабленной и доступной.

– Действительно, не мешало ничто, кроме разве что... данной барону фон Вайнцгардту клятвы. Слова чести дворянина.

– Простите, Лили, а вы, лично вы... тоже побывали в постели маман Эжен?

– Нет. Пока еще... нет.

– Однако намерены оказаться в ней?

– Здесь никто не интересуется нашими намерениями. Конечно, вряд ли маркиза решится пригласить меня. Но, если все же пригласит, пойду, естественно.

– И даже не попытаетесь возражать, сопротивляться?

– Я хочу многое познать, чтобы стать настоящей придворной дамой. А возможно, и королевой. Значит, и это тоже нужно познать. Сначала я, конечно, поддерживала Амелию, но теперь склонна считать, что она была неправа.

– А нравственная сторона этого познания вас не пугает?

– Иногда мне хочется махнуть рукой на все условности и стать уличной девкой, чтобы все познать, всем насладиться. Но потом я вспоминаю, что я – баронесса фон Вайнцгардт, и все тут же становится на свои места. Вы еще хотите спросить о чем-то, граф д'Артаньян?

– Нет, спасибо. Мое любопытство удовлетворено. Замечу, что вы кажетесь мне взрослее, чем есть на самом деле.

– Естественно. И, пожалуйста, отодвиньтесь от кровати, в противном случае я могу подумать, что вы пытаетесь соблазнять меня.

– Конечно, – постарался он произнести это слово со свое-образным саксонским акцентом, свойственным Лили.

Д'Артаньян отодвинулся, склонился на стол и долго сидел молча, не шелохнувшись. Затихли голоса в соседней комнате. Отзвенел смех в комнате напротив. Еще через полчаса тишину пансиона пререзал визг девушки в другом конце этажа, а затем, в сопровождении

шотландца, по коридору важно прошествовала леди Стеймен. С их появлением на этаже все замерло.

– Если я услышу до утра хотя бы один возглас, все вы будете наказаны! – грозно объявила англичанка.

В полном молчании прошел час, тягостно потянулся другой...

– Вы спите, баронесса?

– Нет. Но вы не должны разговаривать со мной.

– Еще через час он услышал ее ровное дыхание. Девушка безмятежно спала.

– Д'Артаньян тут же склонился над ней, убедился, что она уснула, и едва слышно прикоснулся губами к щеке. Только этот, почти отцовский поцелуй он и мог себе позволить.

– Это нечестно, граф, – так же ровно, бесстрастно заметила баронесса, повергнув д'Артаньяна в изумление. – Могу подумать, что вы не рыцарь, не человек слова. Это было бы ужасно.

– Естественно.

3

Неспешной, величественно-усталой походкой полководца, который только что вернулся из-под Грюнвальда, король Владислав подошел к похожему на трон креслу, сел в него и, ухватившись руками за подлокотники, несколько минут охватывал зал взглядом. Он всматривался в него с выражением исключительной важности принятого им решения, которое предстояло огласить перед множеством знатных людей страны, цветом ее воинства.

– И все же я должен начать эту войну! – бросил он в пустоту зала. – Начать и победить в ней!

Король прислушался к собственному голосу. Именно так, спокойно и грозно, будет звучать этот голос, когда он сообщит о своем решении сейму. Спокойно, величественно и грозно...

Поводом для объявления войны послужит, конечно же, договор Польши с Венецией. Но это скорее повод для правителей самой Венеции. Королевская дань вежливости – и не более того. На самом деле он, Владислав IV, давно вынашивал мысль об этой войне. О великой священной войне против Османской империи. Войне, которую Европа должна с благодарностью воспринять и с такой же благодарностью поддержать.

Польские рыцари, наследники славы Грюнвальда, – король наклонился и поискал глазами портрет Ягайла, – выступят против могущественной Порты, и, во славу свою, пойдут на смерть, как и подобает воинам Христа, защитникам христианства во всем мире. Они предстанут, должны предстать, перед Европой и перед Историей как избавители от «османской чумы», которая постоянно нависает над всем югом и востоком Европы, проникая все дальше и дальше в глубь ее, по Днепру, Бугу, Днестру, Дунаю, чтобы рано или поздно подступить к Варшаве, Вене, Праге, Парижу... А возможно, и к Риму.

При мысленном упоминании о Риме король весь напрягся, словно ждал, что вот-вот последует грозное возражение. Но возражать было некому. Да и кто мог бы возразить ему по этому поводу?

Он прикажет коронному и польному гетманам ¹ прекратить всякие стычки с казаками, увеличить количество реестровых казачьих полков. Своим королевским указом поручит...

Кстати, кому он сможет поручить это? Тут еще, конечно, следует подумать... Тем не менее он поручит, прикажет одному из казачьих полковников-атаманов поднять на войну все казачество, которое только и мечтает о том, чтобы снова «обкурить пороховым дымом» стены турецких крепостей и ворота самого Стамбула. Ведь «обкуривали» же они их во времена гетмана Сагайдачного.

Объявив священную войну, невиданный доселе крестовый поход против Турции, он только в Украине сможет получить пятьдесят, да что там – сто, двести тысяч хорошо обученных воинов. А если присоединит к ним коронные и наемные войска, да объявит по всей Польше, Литве, Украине набор ополченцев, призовет на помощь Московию и Персию...

А ведь и в самом деле: нужно собрать войска и, выждав, когда в запорожских степях опять появится крымская орда, гнать, гнать ее до самого Бахчисарая. Весь мир оповещая при этом через своих послов, что Польша больше не желает терпеть бесконечные набеги на свои земли этих азиатских варваров. И не брать во время этого похода пленных, не соблазняться откупам, не уходить за Перекоп, за пределы ханства, пока оно не прекратит своего существования.

¹ «Гетман» происходит от германского «гауптман». «Коронными гетманами» в Речи Посполитой именовались главнокомандующие войсками, а «польными гетманами» – заместители главнокомандующих. В Украине гетман был командующим казачьими или казацко-повстанческими войсками, а начиная с Богдана Хмельницкого гетман был еще и главой (военным правителем, обладающим всей полнотой военной, административной и судебной власти) украинского государства.

– Мы не должны уходить из Крыма до тех пор, пока все в нем не будет истреблено! – неожиданно для самого себя взорвался король, приподнимаясь с трона и хватаясь за легкий парадный меч. – Пока все способное взяться за оружие, все живое в нем не будет истреблено!

Ему по-прежнему никто не возражал. Однако его величество давно привык к этому. Снова усевшись в свое тронное кресло, он несколько минут мрачно смотрел перед собой.

Как только удастся покончить с Крымом – разыгралась его фантазия, – он ударит по Тягине, Очакову, Белгороду ². Он поднимет на войну молдаван, валахов, угров, австрийцев, болгар, хорватов; призовет на помощь полки французов, сербов и чехов...

В конце концов, каждый должен совершить то, что ему предначертано. Владислав II Ягайло в союзе с литовским князем Витовтом и русичами, словно от кары Господней, избавил Европу от орд тевтонцев и меченосцев. Он, Владислав IV, потомок Ягайла, король славной и вечной династии Ягеллонов, точно так же избавит Польшу, Украину, Молдавию, многие другие земли, веры и народы от проклятия, которое уже несколько веков дамокловым мечом висит над ними, – от орд Османской империи.

Закрыв глаза, Владислав IV несколько минут напряженно обдумывал, кого бы ему поставить во главе украинского казачества. Ясно, что командовать объединенным войском будет он сам. А во главе казаков должен оказаться полковник ³, которого он назначит, но которого в то же время приняло бы и поддержало украинское казачество. Военная мудрость и преданность Речи Посполитой – вот что требуется от этого человека.

Прошло несколько минут, прежде чем в сонме лиц и имен перед глазами короля всплыло смугловатое, аристократическое лицо Богдана Хмельницкого – удачливого казачьего старшины ⁴, которого он только недавно возвысил до генерального писаря войска реестрового казачества ⁵, осчастливив при этом чином полковника. Хотя никогда раньше ни один генеральный писарь полковничьего чина не имел.

«А что, может, действительно, Хмельницкого? Храбр, хитер, образован. Да и нравы турок знает – успел побывать у них в плену и даже изучить язык».

Было еще одно важное обстоятельство, заставлявшее короля остановить свой выбор именно на Хмельницком. Он – единственный из полковников казачьего войска, получивший воспитание в иезуитском коллегииуме. А значит, его назначение должно вызвать благосклонность даже в самых черствых душах предводителей иезуитского ордена в Польше, что тоже немаловажно. Ну и казаки, насколько ему известно, относятся к полковнику с должным уважением, многие видели его в боях.

«Так что, действительно, Хмельницкого? – развеивал последние сомнения король. – Сначала наделить его булавой наказного атамана, затем – польного гетмана, а там, даст Бог, и гетмана Украины. Если, конечно, он окажется человеком благодарным. А пока что главное – чтобы уже сейчас казачьи полки повернули свои копыта в сторону Бахчисарая и Стамбула. Тогда и в польских землях дворянство будет чувствовать себя спокойнее».

«Значит, все-таки война?» – в последний раз, еще довольно нерешительно спросил себя Владислав, а, немного поколебавшись, уже более твердо прошептал:

² Тягиня – современный молдавский город Бендеры; Белгород – современный украинский город Белгород-Днестровский Одесской области.

³ В украинском казачестве чин полковника был самым высоким. Отсутствие генеральских чинов сбивало иностранцев-европейцев (как и многих современных читателей) с толку относительно тех казачьих полководцев, которые командовали корпусами и большими соединениями полков. Как их следует воспринимать? Как генералов? Выше был только гетман, но это уже не столько чин, сколько должность. Еще больше сбивало с толку то, что кроме армейских полковников в Украине существовали также административные полковники, которые, говоря современным языком, являлись военными губернаторами отдельных краев (областей, регионов).

⁴ Все представители офицерского корпуса украинского казачества именовались «казачьими старшинами».

⁵ Должность генерального писаря сопоставима с современной должностью начальника штаба армии. То есть Хмельницкий был начальником генштаба реестровых казачьих войск, находившихся на службе (на содержании) у польского короля.

– Да, теперь уже – только война.

Хватит бесконечно сражаться с казаками. Кем он войдет в историю Польши? Душителем восстаний своих собственных подданных? Именно такой славы ему и не хватало! Нет, в истории Польши он должен остаться Владиславом Храбрым, победителем осман. Чтобы все последующие короли Речи Посполитой вспоминали о нем как о полководце, сумевшем разгромить Османскую империю, навсегда прекратив при этом братоубийственные войны между поляками и русичами-украинцами, объединив их славой общих побед.

– Война! – крикнул он, и крик этот был похож на рычание раненого, но все еще сопротивляющегося сопернику и своей смерти, могучего тура. – Я так решил – и так будет: война! – прокричал Владислав IV. – И в этот раз своды зала зазвенели стоголосой медью набата, призывающего ко всеобщему народному ополчению. – Теперь уже только война! На главную битву ее мы пойдем под знаменами наших грюнвальдских полков!

4

Потом д'Артаньяну казалось, что он только что задремал. Слегка задремал – и все. Но, оторвав голову от стола, увидел, что комната залита свинцовой серостью рассвета. А еще до него донеслись тяжелые мужские шаги, а затем приглушенные голоса.

Долго не раздумывая, он нырнул под стол – единственное место, где, прикрытый длинной скатертью, он мог укрыться.

Дверь отворилась, и в комнату вошел мужчина с подсвечником в руке. Д'Артаньян мог видеть только его ноги, но по загнутым вверх носкам сапог, которые бросились ему в глаза еще в доме для попечителей, сразу же признал в нем турка Гафиза.

Турок отошел от двери. Судя по всему, внимательно осмотрел комнату и, оставив подсвечник на столе, вышел. Пламя нескольких свечей облагораживало теперь пристанище мушкетера и Лили почти дневным светом. Д'Артаньян уже хотел было выбраться из-под стола и погасить его, но в это время в коридоре послышались веселые голоса, шум, и еще через минуту в комнату ввалилась целая гурьба людей – радостно возбужденных и, несомненно, подшофе.

– Все, граф, вы проиграли! – задорно объявила маркиза Дельпомас, первой подходя к столу и поднимая скатерть. – Мы нашли вас, сдавайтесь!

– И выпейте с нами, граф. Вы – истинный рыцарь! – добавила одна из женщин.

– Да здравствует мужественный рыцарь д'Артаньян – спаситель пансионесс! – пьяно выкрикнул чей-то девичий голос.

Сгорая от стыда, ошеломленный, ничего не понимая, мушкетер с трудом выбрался из своего тесного укрытия и был поражен, увидев смеющуюся маркизу, леди Стеймен, пятерых девушек, турка Гафиза и, что потрясло его больше всего, красавицу-гречанку Иллирию – с распущенными черными волосами и большой, в форме розы, красной заколкой в волосах.

– Да не смущайтесь вы так, граф, не смущайтесь! Вы поступили, как истинный рыцарь! – обняла его за плечи маркиза. – Правда, при этом вы приняли нас чуть ли не за разбойников, но такова подозрительность всех странствующих рыцарей-мушкетеров.

– Я сразу же, в присутствии всех вас, должен заявить, что честь этой девушки...

– Да кто может усомниться в нетронутой чести баронессы Лили Вайнцгардт, уважаемый вы наш граф д'Артаньян?! – звонко рассмеялась маман Эжен, вновь обнимая его за плечи и даже подставив губы для поцелуя. – Кто в этом способен сомневаться?! Баронесса, вы слышите нас?!

Лили уже проснулась. Она лежала с открытыми глазами, отрешенно осматривая ввалившуюся компанию.

– Простите, я не имела чести приглашать вас, – холодно произнесла баронесса, и только тогда д'Артаньян с облегчением убедился, что все это ночное представление началось без ее ведома. – Но коль уж вы здесь... – Лили отбросила покрывало, поднялась и, сунув ноги в туфли, отошла к окну. Она выглядела так же свежо и прекрасно, как и тогда, когда д'Артаньян увидел ее впервые.

Появились служанки. Одна принесла три бутылки вина, другая – легкую закуску.

Пока они ставили все это на стол и разливали вино в бокалы, д'Артаньян успел прожечь взглядом Иллирию. Она уловила это. Глаза девушки показались мушкетеру печальными и виноватыми.

«А ведь она тоже подневольно вовлечена в сей маскарад без масок! – ужаснулся граф. – Просто маркиза переиграла нас – вот и все. И дай бог, чтобы она не догадалась, что Иллирия – наша сообщница, а значит, предательница».

– Граф, – обратилась к нему маркиза, высоко подняв бокал с вином, – постарайтесь забыть все, что вы слышали о нашем пансионе. Мы же, в свою очередь, забудем о ваших похож-

дениях. Всегда рады видеть вас в стенах «Марии Магдалины». А если вам понравится одна из наших пансионесс – действуйте! И да помогут вам Господь и ваша благородная внешность. Панионесс! Вы ведь не против того, чтобы наш бесстрашный королевский мушкетер продемонстрировал парижские манеры ухаживания?

– За избранницу графа! – поддержала ее какая-то белокурая, слишком рано располневшая девица.

– За избранницу! – откликнулись остальные пансионесс. А тем временем в открытых дверях столпилось еще несколько разбуженных, ничего не понимающих воспитанниц.

– Как видите, здесь слишком тесно, дамы и господа! – объявила маркиза, как только бокалы были осушены. – Всех приглашаю в банкетный зал! Всех мужчин и всех воспитанниц! Сегодня репетируем бал и прием гостей. Каждая пансионесс должна выйти из нашего заведения великолепной хозяйкой, которая не растеряется ни в какой ситуации, даже когда гости нагрянут к ней столь же неожиданно, как сегодня мы – к баронессе! Что скажете на это, Лили?!

– Естественно, – невозмутимо согласилась баронесса. – Можете считать, что в банкетный зал, на правах хозяйки, приглашаю вас именно я, за мой счет.

– Да здравствует Лили! – мгновенно поддержала ее все та же белокурая и располневшая.

– Виват Лили! – поддержали другие пансионесс.

Маркиза вышла первой, увлекая за собой всех остальных. И только тогда настал момент, когда на какое-то время д'Артаньян остался один на один с баронессой.

– Смею надеяться, что вы действительно не причастны к этому розыгрышу, Лили?

– Естественно.

– Тогда признайтесь, что вы готовы были убежать со мной, прямо в этом, почти подвечном платье? Ведь так?

– Как вам могло прийти такое в голову, граф? Убежать с вами? Ни за что! В этом платье я готовилась умереть.

– Что значит: «умереть»?! Вы... собирались покончить жизнь самоубийством?! Не смею поверить в такое.

– Но лишь после того, как убью человека, пришедшего убить меня или хотя бы надругаться надо мной. – И, засунув руку за корсаж, баронесса почти торжественно извлекла оттуда небольшой женский кинжал. – Как вы понимаете, в лезвие его закапан яд. Мне бы не хотелось, чтобы он оказался предназначенным для вас, граф. Хотя вы были близки к этому.

Д'Артаньян достал платок и старательно вытер вспотевший лоб. Он чувствовал, что перестает понимать что-либо из того, что здесь происходит. Ему вдруг захотелось на фронт – под ядра, в окопы, на штурм крепостной стены. Ведь там все так очевидно и просто...

Они вместе вышли в коридор. У двери напротив, между турком и шотландцем, стоял еще один неудачник – Серж.

«Похоже, что шотландец выудил его из-под лестницы сонным, – подумалось лейтенанту, – точно так же, как и меня из-под стола. Может, действительно смыть позор пулей?»

– И все же мои усилия не напрасны, баронесса! – громко, чтобы слышали шотландец и турок, произнес д'Артаньян. – Теперь они не решатся тронуть вас. Иначе будут иметь дело с целой ротой королевских мушкетеров!

– Естественно, – невозмутимо согласилась Лили.

Провожали графа д'Артаньяна из «Лесной обители» прямо из-за стола. Все были в меру пьяны и очень веселы. Несколько слуг играло на лютнях, а кое-кто даже пробовал пританцевывать.

Прежде чем попрощаться, маркиза предложила мушкетеру еще пару деньков погостить, прозрачно намекая, что все остальные ночи могут пройти «значительно веселее, чем эта, заговорщицкая». Доверительно произнося «заговорщицкая», Эжен заливалась смехом.

Д'Артаньян понимал, что смех ее такой же притворный, как и весь этот бал. Но от этого становилось еще обиднее.

Во время их вселенского веселья только баронесса Лили оставалась трезвой, спокойной и совершенно невозмутимой. Д'Артаньян несколько раз встречался с ней взглядом, и Лили не отводила глаз. Она как бы спрашивала: ну и что дальше, граф? Что вы предлагаете? И лейтенанту казалось: спроси он сейчас Лили при всех, согласна ли она уехать с ним – и баронесса, не задумываясь, произнесла бы свое убийственно-невозмутимое: «Естественно». Даже если бы он спросил, согласна ли пансионесс стать его женой – ответ был бы тот же.

– Однако спросить мушкетер так и не решился. Хотя и не было у него сейчас ни дома своего, ни семьи. Другое дело, что ему удалось задать несколько вопросов красавице-гречанке.

– Так это вам, красавица, мы обязаны всем этим пиром? – спросил он Иллирию, как только Эжен на несколько минут отлучился из зала.

– Просто я вынуждена была, – не стала она ни оправдываться, ни лгать. – Вам легко: сейчас вы уедете – и все, а мне придется жить в этом террариуме.

– То есть все, что вы сообщили Сержу, это?...

...Было сообщено по велению госпожи. Но при этом я добавляла кое-что такое, за что маркиза готова вырвать мне язык.

– Значит, и ключ тоже подсунула маркиза?

– Она и в самом деле непревзойденная интриганка.

– Хотите сказать, что похлеще вас?

– Что бы вы ни думали сейчас обо мне, – потрянула смоляными кудрями Иллирия, – вы должны знать: баронесса Лили продолжает оставаться в опасности, поэтому ей лучше сегодня же уйти из пансиона. Тем более... что она влюбилась в вас.

– Лили влюблена в меня?! Эта мраморная статуя? Хватит с меня ваших розыгрышей, внебрачное дитя Эллады! – негромко, но твердо осадил ее д'Артаньян. – Все, хватит!

– Лили действительно влюблена в вас, – взглянула на него гречанка прекрасными, печальными глазами. – Неужели вы не замечаете этого? Или же не хотите замечать, усматривая в любви баронессы опасность для своей вольной жизни? Впрочем, речь сейчас идет не столько о любви, которая грозит вам, сколько об опасности, которая все еще грозит баронессе фон Вайцгардт...

5

...Там, в Каменце, графиня де Ляфер не сообщила Гяуру еще об одном письме, которое днем раньше привез другой гонец.

Впрочем, князю и не следовало знать о нем. Пришло оно из Кракова и состояло всего из двух строчек: «Удалось ли вам, графиня, выполнить мое поручение? Поторопитесь. Ангелы уже трубят. Срочно жду вас в Кракове».

Подписи под ним не было, да и написано оно было корявым, явно не писарским почерком, на обрывке старого пергамента. И все же это не помешало графине сразу же, по его смыслу, определить, что писалось оно под диктовку королевы Польши Марии-Людовики Гонзаги. «Ангелы уже трубят!». Еще бы! Это была не просто условная фраза. Так уж сложилось, что ангелы эти самые «трубили» всякий раз, когда королева оказывалась в крайне трудном положении и ей нужна была срочная помощь графини де Ляфер.

Да, речь шла о письме королевы Польши, чьей благосклонностью пренебречь графиня пока не решалась. И не только потому, что сейчас она находилась на территории Речи Посполитой. Диана всегда гордилась тем, что умела – чисто интуитивно – предугадывать поступки людей, развитие событий; умела прогнозировать свое будущее, менее всего полагаясь при этом на волю Божью, на судьбу.

Нет, пока что она не нуждалась в поддержке королевы. Однако в будущем, когда...

Впрочем, это «когда» больше волновало сейчас королеву, чем графиню де Ляфер. Именно поэтому Мария Гонзага так торопила ее. Именно поэтому примчалась вслед за королем в Краков. Как-никак до Кракова графине ближе. Да и злых ушей меньше, чем в Варшаве, где для королевы «ангелы трубят» теперь почти беспрестанно, причем повсюду.

С тех пор как графиня познакомилась с Ольгицей и Властой, она нередко жалела, что Всевышний не наделил ее такой же силой ясновидения, как этих двух полуведьм. Однако в свои двадцать пять Диана тоже успела выработать в себе какую-то особую интуицию и стать убежденной, самонадеянной фаталисткой.

Графиня де Ляфер чувствовала, что способна играть во Франции, в Польше, вообще в этом мире, куда более заметную роль, чем та, которую предопределило ее происхождение и положение в обществе. Вот почему она так упорно стремилась во что бы то ни стало войти в высшие сферы обоих государств и даже в какой-то степени влиять на их политику и взаимоотношения.

«То, на что, сотворяя мою судьбу, поспешил Господь, я сотворю сама», – бросила она когда-то сгоряча графу де Брежи, который вдруг усомнился: стоит ли ей вмешиваться в государственные дела Франции? Так вот, эта мысль: «... на что, сотворяя мою судьбу, поспешил Господь, я сотворю сама», – теперь уже стала ее девизом, который мог бы с таким же успехом стать девизом любой другой воспитанницы пансиона мадам Эжен.

– Впереди большой лес, графиня, – на ходу заглянул в карету поручик-гонец Кржижевский. Нам придется трястись по нему почти всю ночь. Благоразумнее завернуть вон в ту деревушку и заночевать.

– Трястись всю ночь я как раз и не желаю. Не из-за кочек, из-за страха.

– Тогда стоять! – скомандовал поручик. – Надо решить, что будем делать.

Кучер сразу же остановил коней. Графиня взглянула на Власту, затем на Ольгицу.

– Нам не следует останавливаться, – уверенно проговорила слепая провидица. – Они найдут нас и в деревушке. А так... под утро мы проедем мост, свернем направо и отдохнем на хуторе лесника.

– Кто это – «они»? – ошеломленно спросила графиня. – Разве нас кто-то поджидает или преследует?

– Враги королевы, – спокойно ответила Ольгица. – Они уже знают, что мы спешим в Краков. А места здесь глухие.

– Почему же вы молчали?! – возмутилась Диана, инстинктивно напавшая висевшую у ее плеча сумку с пистолетами. – Да еще и предлагаете въезжать в лес?

– Но если ж пани Ольгица так уверена... – начала было Власта.

– Единственное, в чем я уверена, – парировала Диана, – так это в том, что вам лучше помолчать.

– Не ссорьтесь, – вмешалась Ольгица. – Не время. Все будет хорошо.

– Но у меня всего-навсего двое гусар, – напомнил поручик. – Ну, еще ваш телохранитель – татарин Кара-Батыр... Четверо вооруженных мужчин, которых в лесу можно уничтожить первыми же выстрелами из засады.

В карете воцарилось тягостное молчание. Только забившийся где-то в щели сверчок призывно играл на своей боевой свирели, словно чудом уцелевший трубач погибшей армии.

– Вы ведь слышали, что сказала госпожа Ольбрыхская, поручик, – неожиданно изменила свое решение графиня. В ней вдруг взыграла кровь прирожденной авантюристки. – Кроме того, у вас есть приказ.

– Приказ, который я получил, обязывает меня вернуться. Понимаете, графиня, вернуться? И привезти вас. Иначе все это путешествие теряет смысл. Ну а по поводу того, о чем только что говорила ваша спутница... Я со своими солдатами проезжал этот лес днем и, насколько мне помнится, по ту сторону моста никакого дома лесника не наблюдалось; все тот же мрачный лес. Еще миль пять – только лес, и никаких признаков человеческого жилья.

– Не волнуйтесь, поручик, вам суждено погибнуть не в этом лесу, – сухим резким голосом заметила Ольгица. – Но об этом поговорим в другой раз. Если эту ночь мы проведем в постели, то прибудем в Краков через три часа после того, как женщина, которая направила вас сюда, отбудет из него. Но тогда какой смысл в вашем поручении?

– Вот видите, – благодушно поддержала ее Диана.

– Уж не хотите ли вы сказать?... – кончилось терпение поручика.

– Все, что госпожа Ольгица хотела сказать, она уже сказала, – перебила его Диана. – И не рассчитывайте, что я отпущу вас с миром, освободив от приятной необходимости прокатиться с нами по этому лесу. Кучер, гони!

– Я не могу рисковать вами, ясновельможная. Не скажу, чтобы в этом лесу завелись бандиты. Но здесь водятся блуд. И лешие. Это бесовские места. Не думайте, что опасаюсь за себя. Как всякий солдат, я привык встречать смерть...

– Места здесь действительно бесовские, – неожиданно согласилась с ним Ольгица, – об этом нужно помнить, – и умолкла.

– Но ведь все равно нам необходимо ехать, – с укоризной напомнила ей Диана. – Иначе опоздаем.

– Вот и я говорю: пора двигаться дальше.

– Кара-Батыр! – позвала де Ляфер, и в ту же минуту у дверцы показалась бритая голова татарина. – Всели-ка мужество в этого труса-кучера.

– Не надо, Кара-Батыр, – вмешалась Ольгица. – Он и так поедет. Езжай, – тихо, так, что кучер едва мог расслышать ее голос, произнесла слепая. – Езжай, езжай. Я отведу от тебя все страхи, все напасти.

– Тогда уж отведи их заодно и от поручика! – презрительно рассмеялась графиня.

6

...С перевязкой было покончено. Фон Вайнцгардт и д'Артаньян поднялись и, поддерживая друг друга, начали спускаться в долину. Чуть ниже по склону медленно проскрипел осипшими колесами и отсонал жаждащими голосами целый обоз санитарных кибиток. Глядя им вслед, д'Артаньян почти с благодарностью подумал о том испанском артиллеристе, который в последнее мгновение почему-то сдержал свой клинок, давая ему возможность отвести туловище в сторону. А поняв, что противник ранен, медленно попятился от него, вместо того чтобы добить, как это делали в пылу схватки многие другие.

Но еще за минуту до этого сам д'Артаньян едва удержался от соблазна пронзить клинком юношу с тоскливыми глазами. Так они и расстались, глядя в глаза и пятясь друг от друга.

Один из непостижимых эпизодов боя. Таинственный случай войны, который обоими будет именоваться отныне «волею судьбы».

– Господин лейтенант! Господин граф!

Д'Артаньян оглянулся и увидел мчащегося по склону Сержа. Буланый конь слуги был в мыле. Сам слуга – бледен от волнения и усталости. Чувствовалось, что, прежде чем Серж догнал своего господина, он успел осмотреть все окрестности Дюнкерка.

– У вас такой вид, сержант, словно вы прибыли с личным посланием короля.

– Вы бы посмотрели со стороны на себя. До меня дошел слух, что вы то ли убиты, то ли ранены. Значит, все-таки ранены!

– Можешь считать, что пока еще нет.

– Какое счастье, что вас не убили! Иначе вы так и не узнали бы, какой неопикуемой красоты девушка разыскивает вас! – На ходу соскочил с коня Серж, видя, что лейтенант держится рукой за бок. – Вы все же ранены. Посидите здесь, а я поскачу в деревню и вернусь с какой-нибудь повозкой.

– Так мы говорим о повозке или о девушке? – свирепо уставился на него д'Артаньян. – Кто она? Где?

– Баронесса фон Вайнцгардт. Вот именно, Вайнцгардт, если только я сумел правильно запомнить. Эти германцы!.. Даже фамилию толковую – и то придумать не могут. Словом, вас ждет Лили! Та самая, из пансиона «Мария Магдалина»!

Офицеры переглянулись.

– Баронесса фон Вайнцгардт?! – в один голос спросили они, подаваясь к Сержу и прощая ему «германские фамилии».

Баронесса... В деревне. Поставые не пропускали ее, но, кажется, она сумела пленить их всех. Хотя и строга безмерно. Требуе графа д'Артаньяна. К крепости рвалась, причем в самый разгар штурма. Еле удержали.

Офицеры снова переглянулись. То, о чем сообщал слуга, обоим казалось невероятным, хотя каждому – по только ему понятным причинам. Но оба сразу же поверили Сержу.

– Коня! – ухватился за поводья мушкетер.

– Но вам нельзя! Вы ранены в бок! При такой ране даже ходить непозволительно, не то что скакать...

– Я сказал: «Коня»! – почти прорычал д'Артаньян, вырывая из рук слуги поводья. – Это перст судьбы, барон фон Вайнцгардт! И я не упущу его! В этот раз не упущу! Клянусь пером на шляпе гасконца!

«Я поступил слишком опрометчиво, приблизив этого мушкетера к Лили, – с тоской посмотрел ему вслед барон фон Вайнцгардт. – Но трудно было предположить, что все зайдет столь далеко. А эта чертовка Лили! Как она могла оказаться здесь? Придется поговорить с ней серьезно».

– Теперь не упущу, клянусь пером на шляпе гасконца! – все еще оглашал окрестности недавнего поля боя ликующий лейтенант д'Артаньян, вряд ли догадываясь при этом, какие страхи одолевают сейчас брата прекрасной Лили.

7

У Лили были собственные воспоминания о том, что происходило в пансионе «Мария Магдалина» и во время пребывания там королевского мушкетера д'Артаньяна и сразу же после его отъезда. А происходили там события, о которых графу, в общем-то, и знать не положено было...

– ...Это вы, баронесса фон Вайнцгардт?! – медленно поднималась с широкого, застеленного розоватым шелковым покрывалом ложа маркиза Дельпомас. Она отдыхала не раздеваясь. Металась и мучилась со своими неразделенными чувствами, тяжело переживая минуты томных мечтаний о том, что никогда не сбудется.

– Чему обязана в столь поздний час?

Лили подошла к туалетному столику маман Эжен, повертела в руках какой-то флакончик, вдохнула источаемый им аромат и, поставив на место, принялась осматривать золоченую, украшенную витиеватой арабеской пудреницу, изготовленную в виде медальона.

Баронесса вела себя настолько непринужденно, что у Эжен Дельпомас перехватило дух: это ж какой невозмутимой наглостью нужно обладать воспитаннице ее пансиона, чтобы, впервые попав в спальню патронессы, делать вид, будто ничего особенного не происходит!

– У вас здесь почти уютно, маркиза. Извините, общепринятое в пансионе обращение «маман Эжен» мне совершенно не нравится.

– Все это крайне интересно, – с трудом выдавила из себя Эжен, чувствуя, как от волнения у нее пересохло в горле. – Но хотелось бы поближе к цели вашего визита.

– Цель любого визита пансионесс к своей патронессе заключается в самом визите. Разве не так? Поскольку каждый визит – «еще одна ступень познания жизни двора, его нравов, правил поведения в высшем свете». Я что-то упустила?

– Вы совершенно правильно повторили слова, не раз слышанные вами от леди Стеймен. – Эжен хотела протиснуться между величественной, словно статуя, фигурой Лили и ложем, но почувствовала, что для этого ей придется основательно потеснить баронессу.

– Неоднократно внушаемые всем нам леди Стеймен, – уточнила Лили. Пудреница больше не занимала ее внимания и баронесса, поморщившись, двумя пальцами отбросила ее на край столика.

– И все же вам придется объяснить, почему вы оказались здесь. Иначе я вынуждена буду позвать слуг. Чего вы добиваетесь, баронесса?

– Своего права на урок. Или экзамен, какой обычно получали на этом «девственном» ложе другие пансионесс.

– Завтра же я исключу вас из числа воспитанниц пансиона! – побагровела Эжен. – Завтра же. Такой урок вас устраивает?

– Это будет непростительной ошибкой. И вам, и мне придется долго и не всегда убедительно объяснять множеству людей, в том числе моему брату, барону фон Вайнцгардту, и графу д'Артаньяну, почему вы так поступили. И тогда неминуемо возродится из небытия дух убиенной вами пансионесс Амелии Мюно.

– Нет, это немыслимо! Вы... вы действительно шантажируете меня! – трагическим голосом возвестила Эжен. – В таком случае, что бы вы ни говорили, завтра же я изгоню вас.

– Я помогу вам. Вы наверняка успокоитесь, услышав, что завтра я сама оставляю пансион. И никогда больше, ни при каких обстоятельствах, не намерена вспоминать о своем пребывании в нем. Не говоря уже о порядках, в нем царящих.

Маркиза подняла голову и внутренне встряхнулась. Откинувшись, она уперлась руками в постель позади себя и внимательно присмотрелась к Лили.

– Слово чести баронессы?

– Если здесь уместно вести речь о чести.

– Это мне нравится. Пришли бы вы с вашими заверениями раньше...

Не было бы спектакля, который вы со своим турком устроили во время пребывания здесь графа д'Артаньяна.

– Во всяком случае, все было бы по-иному; пока что давайте остановимся на таком варианте. – Маркиза дернула за звонок. Почти мгновенно, словно она все это время ждала у двери, появилась леди Стеймен.

– Вина, мисс Стеймен, – приказала Эжен. – Две бутылки красного. Два бокала. И немного еды.

Вернулась леди Стеймен довольно быстро. Она сама наполнила бокалы и, подчеркнуто вежливо кланяясь, вышла. Ее пожелание спокойной ночи прозвучало двусмысленно и неуместно.

Осушив свой бокал, Лили принялась медленно раздеваться. Делая это, она незаметно наблюдала за Эжен. Глаза маркизы постепенно оживали, возгораясь огнем страсти.

«Наверное, точно так же смотрел бы на меня граф д'Артаньян, осмелюсь я вдруг раздеться перед ним в ту ночь, – подумала Лили. – Да, очевидно, так... Но тогда я не решилась. Тогда нет. Все это еще ожидает меня. Ведь, если вдуматься, что бы ни происходило после того, когда мы окажемся в постели, все равно Эжен – не мужчина. А значит, я по-прежнему останусь чистой и непорочной. Насколько это возможно после столь длительного пребывания в пансионе «Мария Магдалина».

8

Лес будто ждал, когда люди решатся въехать в него. Могучие кроны деревьев сразу же нависли над ними, как опавшие на землю темно-зеленые облака, а солнечные лучи растворились в косматых тенях-призраках, и над экипажем, над всадниками воцарилась напряженная гнетущая тишина, словно не в лес они углублялись, а спускались в мрачное подземелье.

– А ведь птицы в этом лесу не поют, – первой обратила внимание на причину столь странной тишины Власта. – Неужели их здесь вообще нет?

– Есть, но мало. Мертвецкий дух здешних болот отпугивает. Птенцы, которых они пробоют выводить над этими болотами, почти все гибнут, – объяснила Ольгица.

– Из зверей тоже, наверное, только волки и водятся.

– Значит, местные леса действительно бесовские, – на удивление спокойно заметила графиня. – Хорошие места для всякого сатанинства.

– Давайте и мы помолчим, – властно завершила разговор Ольгица. – Тишина небес рождается из молчания.

– Ничего себе: «тишина небес»! – Диана достала из сумки пистолет, положила рядом с собой на сиденье и, откинув голову на подзатылочную подушечку, попробовала задремать.

– Кажется, вскоре ей это удалось. Дорога оказалась мягкой, словно перина, и глушила всякую тряску и скрип колес. И все же это был не сон. Перед внутренним взором графини проплывали то бульвары Парижа, то веселая суeta бала во дворце герцога Орлеанского, на который ее приглашали трижды, и чем она гордилась всю свою юность. А еще – окутанные вечерней дымкой рощи, посреди которых – то здесь, то там – отливали лунным светом плесы миниатюрных озерц, то есть все те пейзажи, которые она могла наблюдать со сторожевой башни родового замка графов Ляферов-Шварценгрюнденгов. А вот и сам замок...

Треугольный дворик между тремя башнями цитадели, выстроенной из огромных камней на вершине нависшего над речным каньоном утеса. Крепостная стена с дубовыми, закованными в металл воротами, за которыми чернел уже давно не поднимавшийся подъемный мост. Древняя полуразрушенная часовенка по ту сторону моста, в которой нередко находили приют паломники, идущие в Рим или даже в Палестину. Там они не платили за ночлег, а слуги всегда старались доставлять им немного еды.

Этот полусон-полувидение захватил графиню столь стремительно и надолго, что, когда она очнулась и, отворив дверцу, выглянула из кареты, то по взошедшей над лесом луне с удивлением определила: а ведь уже около полуночи! Хотя не может такого быть: неужели она столько времени пробыла в этом нежном забытии?

Высунувшись еще больше, графиня оглянулась по сторонам. Лес по-прежнему стоял угрюмый и молчаливый, а кучер безбожно дремал на передке, полностью полагаясь на инстинкты лошадей. Холодно поблескивали панцири клевавших носами гусар. Тревожно, и тоже, очевидно, в дреме, всхрапывали их кони.

То, что Диана видела сейчас, казалось ей продолжением некоего кошмарного сна. «Карета обреченных – в заколдованном разбойничьем лесу» – вот как должна была бы называться картина, если бы все, что происходило здесь в эти минуты, было перенесено на холст. Однако сейчас ей было не до живописных сюжетов: она нутром чувствовала, что вот-вот что-то должно произойти. Что именно – этого она знать не могла, но предчувствие, предчувствие... Еще минута – и...

– Графиня, – прошептал Кара-Батыр, неслышно приблизившись к ней. – В лесу появились люди.

– Какие еще люди? – прошептала в ответ Диана.

– Я видел двоих. Они быстро усаkali. Наверное, чтобы сообщить остальным. Я все время еду впереди и заметил их. Если они появятся снова, сразу же садитесь на коня. Попробуем уйти. Я прикрою.

– По дороге не уйдем, – усомнилась Диана. – Придется какое-то время прятаться в лесу.

– Только бы вовремя заметить их. Кстати, в вашем колчане – пятьдесят стрел. И все отравлены.

– Ядом нас обеспечила Власта? – не упустила своего момента Диана.

– Однако Власта то ли не расслышала, то ли промолчала.

– Нет, это персидский яд, который сохраняется на остриях и наконечниках довольно долго. Кроме того, у седла – два заряженных пистоleta. Только что я их проверил.

– Предупреди поручика.

– Хорошо, графиня.

Хотя княгиня и татарин переговаривались шепотом, тем не менее хлынувшие в карету струи влажного лесного воздуха и голоса сумели-таки вырвать Власту из дремотного забытья.

– Какие-то странные видения посещали меня, – проговорила она, беззаботно, сонно потягиваясь. – Улицы Парижа. Ресторанчик на Монмартре. Долина с рощами. Озерца. Какой-то старинный замок с тремя башнями на утесе, обнесенный крепостной стеной, а рядом – то ли церквушка, то ли часовня...

– Что-что? – перебила ее графиня, пораженная рассказом Власты. – Только что ты все это видела?!

– А что, по-вашему, это какой-то плохой сон?

– Да сон, как сон. Дело в другом: почему ты решила, что все это «виделось» тебе в Париже? – как можно спокойнее спросила Диана, зорко всматриваясь при этом в ночную темноту. – Как ты, например, догадалась, что ресторанчик стоит не где-нибудь, а именно на Монмартре? Разве ты когда-нибудь бывала в Париже?

– А действительно, как?! – спохватилась девушка, удивленно пожимая плечами. – Ни в Париже, ни вообще во Франции я никогда не была. Но мне вдруг показалось, что все это я уже когда-то видела.

– Бред какой-то.

– Вполне согласна с вами: бред. Но чей-то голос объяснял мне: «Это Париж... Монмартр. Замок...». Постойте-постойте, вспомнила: это же был родовой замок графини... Э, да это же был ваш замок!

– Вот и мне кажется, что мой. Но с какой стати он являлся тебе? Как это могло произойти?

– Счастливицы, вы еще не разучились удивляться, – заговорила Ольгица, хранившая до сих пор таинственное молчание.

– Так, может быть, вы объясните, почему так происходит? – молвила графиня.

– Не нужно стремиться все тотчас же, немедленно объяснять, тем более что далеко не все поддается нашему земному пониманию.

– Но такого не может быть, чтобы мой замок и виды Парижа являлись человеку, который никогда не бывал в пределах Франции.

– Не нам дано определять, что должно происходить, а что не должно. К счастью, не нам. А пока что скажу вам, что сейчас будет река. Ты слышишь, Власта: та самая река, на которой, чуть ниже моста, по течению, за лесом, находится имение Ратоборово.

– Это правда? Оно здесь, на этой реке? – оживилась Власта. – На обратном пути мы обязательно заглянем туда.

– Если только доживем до утра, – заметила Диана. – В лесу появились какие-то странные люди.

С минуту в карете царило молчание: девушки напряженно ждали, как отреагирует на это провидица.

– Прикажите кучеру, чтобы у реки, шагов за двадцать от моста, остановил карету, – наконец произнесла Ольгица. – Воины пусть сойдут с коней, спрячутся за деревья и приготовят оружие.

– Значит, на нас готовится нападение? – насторожилась Диана.

– Прикажите сделать все, как я велю, графиня, – резко осадил ее Ольгица.

9

Это, конечно же, была она, Лили – прекраснейшая из женщин, которых когда-либо приходилось видеть д'Артаньяну.

Баронесса так и не сошла с коня. Красный с оранжевыми отливами плащ, непростительно скрывавший всю ее фигуру; россыпь пшеничных кудрей; невозмутимое, словно бы застывшее на прохладном северном ветру, лицо, напоминающее лик статуи, выточенной из потускневшей слоновьей кости. И огромные светло-голубые глаза, будто льдинки в чистых лазурных родниках, освещенных каким-то таинственным глубинным сиянием.

– Неужели это действительно вы, баронесса?! – отчаянно врезался д'Артаньян в гурьбу драгун. – Простите, я только что из боя.

– Главное, что вы живы, граф, – почти с нежностью произнесла Лили фон Вайнцгардт, вплотную подъезжая к нему. – Меня терзало страшное предчувствие. Даже не предчувствие. Божьим гласом сказано было мне, что найду вас, но снова потеряю. Будто бы обязательно найду, но... тотчас же потеряю, – с укоризной добавила Лили, давая понять, что он просто-напросто не дослушал ее.

– Эй, мушкетер, да вы никак ранены?! – воскликнул один из стоявших рядом офицеров. И как же некстати он сунулся с этим «ранением», как некстати! Они с Лили думали, что никого вокруг не существует. Только они вдвоем, только они. На зависть всем, кто имел неосторожность созерцать эту их встречу.

– Так вы действительно ранены? – с убийственной выдержкой поинтересовалась баронесса. Только глаза слегка опечалились да брови сошлись на изломе переносицы.

– Давно. Еще той ночью, в пансионе. Впрочем, пардон. К сведению всех, это была не та ночь, которую... – д'Артаньян вдруг умолк и, сжав зубы, огромным усилием воли сдержал стон. Он чувствовал себя так, словно его вдруг еще раз пронзили шпагой.

– Сержант Марлей, – приказал тот же офицер. – На коня! Проводите мушкетера к врачу. Он через три дома отсюда, в лазарете.

– Это не рана, это усталость, – извиняющимся тоном объяснил д'Артаньян, обращаясь к Лили и стараясь не замечать драгуна. Однако сержант уже вскочил в седло и, схватив за узду коня лейтенанта, заставил его следовать за собой.

– Что бы это ни было, я сопровождаю вас, граф, – успокоила мушкетера Лили. – У меня появился повод беспокоиться о вас.

– Боюсь, что беспокоиться придется сразу о двух героях. Ваш брат, барон Вайнцгардт, тоже слегка...

– Как, он опять ранен?! Господи, сколько же можно?! – удивилась баронесса, забыв при этом поинтересоваться, где сейчас находится ее брат.

Сержант отпустил узду его коня и теперь старался держаться плечо в плечо, чтобы в любое мгновение поддержать мушкетера.

– Барон – саксонец. Истинного саксонца раны облагораживают, – с едва уловимой грустью рассудила баронесса, устыдившись собственной слабости, а заодно напомнив мушкетеру, что ему придется иметь дело с «истинной саксонкой».

– В таком случае барон фон Вайнцгардт, с его фронтовым невезением, держится, как подобает самому благородному рыцарю. Смею вас заверить в этом, Лили.

Пока д'Артаньяна перевязывали, баронесса не теряла времени. Найдя себе двух помощников из числа наемников-померанцев, она довольно быстро разыскала брата и помогла ему добраться до госпиталя. Однако барона, рана которого оказалась тяжелее, пришлось оставить на попечении сестер милосердия; для д'Артаньяна же она подыскала квартиру в аккуратном домике на окраине ближайшего городка. Хозяева, милые старики-фламандцы, потерявшие в

войне с испанцами своего единственного сына, охотно согласились уступить раненому мушкетеру и его невесте второй этаж с мансардой, расцвеченной пучками подсушенных лечебных трав.

– И вы беретесь ухаживать за мной, Лили? – удивленно воскликнул д'Артаньян, садясь в нанятую баронессой карету, увозившую их к фламандцам.

– Что вы, граф?! Ухаживать будут старики да милосердные соседки. Сочувствие, перевязки... Я на это не способна, – честно призналась Лили. – Тем не менее всегда буду рядом.

– Вы не позволяете мне даже пофантазировать, Лили, – расстроился д'Артаньян.

– Зато начну навешать сразу же, как только вы окажетесь способны к фантазиям. – Лили и не думала кокетничать. Во всяком случае, баронессу трудно было заподозрить в этом. Что бы ни происходило, как бы ни вела себя эта девушка, она по-прежнему оставалась той «истинной саксонкой», каковую только он, гасконец, может представить себе.

9

Королева стояла перед иконой Мадонны с младенцем. Икона была огромной, ветхозаветно старой.

Мария Гонзага не молилась, а всего лишь стояла перед ликом Мадонны, замерев, затаив дыхание, словно паломница – в ожидании обещанного чуда. Но это не помешало ей уловить почти неслышные шаги фаворитки.

– Что позволило вам войти сюда, графиня д'Оранж? – сухо спросила королева, даже не оглянувшись, будто увидела отражение вошедшей в потускневшем полотне иконы.

– Только что прибыл гонец.

– Значит, пророчица вот-вот осчастливит нас своим появлением? – упавшим голосом проговорила Мария Гонзага. Сейчас она ждала приезда Ольгицы с таким же мистическим страхом, с каким боялась ее пророчеств.

– Это гонец с вестью из Каменца. Что же касается Ольгицы, то ее все еще нет.

– Вы сочли необходимым немедленно сообщить мне об этом гонце и считаете, что поступили верно?

– Вы несколько раз интересовались, добралась ли графиня де Ляфер до Каменца и как она чувствует себя в «изгнании».

– Вести гонца связаны с ней? – спросила королева.

– И с гибелью господина де Рошалья.

– Майор де Рошаль? Что-то припоминаю. Какая жалость, – даже не попыталась она вдохнуть в свои слова хотя бы некое подобие сочувствия. – От простуды, конечно?

– От укуса змеи.

Только теперь королева повернулась всем туловищем и с нескрываемым любопытством воззрилась на фаворитку.

– Вы не ослышались, ваше величество, – загадочно улыбнулась д'Оранж, и грубоватое, но довольно холеное лицо ее приобрело выражение, очень смахивающее на оскал гюрзы. – Он погиб от укуса змеи.

– И ради этого нужно было бежать вначале из Парижа, потом из Марселя и, наконец, из Варшавы, – задумчиво покачивала головой королева.

– Зато какая изысканная гибель. Хотя этот презренный трус заслуживал обычной петли или банальной секиры палача.

– Мне показалось, что вы в восторге, графиня.

– Только от того, что в Варшаве нам очень может пригодиться все, к чему с такой решительностью способна прибегать лучшая из воспитанниц маркизы Дельпомас. Как видите, ваше величество, я признаю это безо всякого восторга, повинуюсь исключительно справедливости.

– Если мы внимательнее присмотримся к ней здесь, в Кракове, то, возможно, решим, что ее вообще не стоит подпускать к Варшаве, даже к ее предместьям. Дабы уж до конца следовать канонам вашей высокопреосвященной справедливости, Клавдия д'Оранж, достойнейшая из пансионесс «Марии Магдалины».

– Всего лишь от укуса какой-то гнусной змеи. Кто бы мог предположить такое! – притворно вздохнула графиня, стоически не расслышав напоминание королевы о том, кто она, д'Оранж, есть на самом деле. – Хотя стоит ли удивляться? Что может быть страшнее дворцовой змеи?

10

Услышав впереди шум реки, кучер покорно свернул с дороги в сосновую рощу, под защиту могучих старых крон. Воины отвели подальше лошадей, приготовили ружья и пистолеты и, подойдя к мосту, тоже спрятались за стволами деревьев.

Кара-Батыр вновь проверил оба пистолета графини и приготовил запасные заряды, напомнив, как с ними следует обращаться. Диана полагалась теперь только на него. Взяв лук, она притаилась вместе с татаринком слева от дороги, на изгибе реки, с которого мост можно было простреливать на всю его длину. Страха она не ощущала. Позади – стена леса, и Диана почему-то была уверена, что в случае крайней опасности сумеет в нем укрыться.

Ольгицы все эти приготовления, казалось, совершенно не касались. Выйдя из кареты, она приблизилась к мосту и остановилась в нескольких шагах от него, на едва освещаемом луной холме, под ветвями огромной ели.

Шли минуты. Ольгица по-прежнему неподвижно стояла над рекой, словно к чему-то прислушивалась – то ли к приглушенному рокоту водопада, то ли к голосам леса, то ли к собственной молитве.

В трех шагах от нее, обхватив руками ствол молодой сосны, замерла Власта. Когда возник выбор: куда деваться, у кого искать защиты она не пошла ни с воинственно настроенной графиней с ее опытным телохранителем Кара-Батыром, ни с поручиком. Единственной надеждой оставалась Ольгица. Власта решила быть с ней до конца, что бы ни случилось.

– Впереди всадники! – вдруг послышался голос Кара-Батыра, единственного, кто все еще продолжал оставаться в седле. Графиня уже знала, что без коня он чувствовал себя просто беспомощным.

– Где они? – не столько с тревогой, сколько с интересом спросила Диана.

– Сейчас будут здесь. Смотрите на мост, графиня.

Всадники еще не появились, не было слышно ни голосов, ни топота копыт, но каким-то своим, особым чутьем татарин улавливал: они уже близко.

– Стрелять, только когда они въедут на мост, – негромко скомандовал поручик. – Ждать моего выстрела.

Всадники приближались медленно, как бы подкрадываясь, и первый из них осторожно въехал на настил. Мост был довольно длинным. Застучали копыта. Настороженно зафыркали лошади.

– Они уже должны были подъехать к мосту, – произнес кто-то из тех, что ехали первыми. – Не могли же они остановиться на ночлег в ночном лесу.

– Здесь, у моста, мы их и встретим. Пусть даже утром.

– Ольгица, – не выдержала Власта, – убегаем. Они схватят нас.

– Схватить нас им будет еще сложнее, чем нам – убежать. Однако твое личное спасение – в молчании.

Уже почти все всадники – на мосту. Передний вот-вот съедет с него по эту сторону. Но, прежде чем прозвучал выстрел поручика, все кони прищельцев – причем как-то все сразу – захрипели и встали на дыбы.

– Ольгица! – восторженно вскрикнула Власта. – Это твоя власть, Ольгица!

Ржание лошадей слилось с криками людей, которые не могли понять, что происходит. Один конь рванулся и, не сумев перескочить через перила, перевалился через них, упав в воду вместе со всадником. Кто-то кричал, уже лежа на настиле, буквально под копытами.

Воспользовавшись этой странной заминкой, польские гусары дружно ударили по ним из ружей. Графиня тоже разрядила свои пистолеты и взялась за лук. Даже кучер, и тот выстрелил из ружья, стоя чуть позади остальных, прямо посреди дороги.

Но самое удивительное, что ни один из нападавших так и не смог повернуть назад. Взбесившиеся кони гарцевали на мосту, сбрасывая с себя седоков, или ломали перила, оказываясь вместе со всадниками в воде. И лишь двое бандитов все же прорвались на эту сторону реки.

– Кара-Батыр, они – твои! – властно скомандовала графиня, заметив этих безумцев.

– Слушаюсь и повинуюсь.

– Один нужен живым! Мертвые тайн не выдают!

– Он будет живым, графиня.

Выскочив из-за деревьев, татарин в одно мгновение рассек первого налетчика саблей, а второго заарканил и стянул с седла.

11

Прошло две недели с той поры, как д'Артаньян оказался под незримым, но неусыпным попечительством баронессы фон Вайнцгардт. Его рана почти зажила и хотя садиться на коня врач еще не рекомендовал, при ходьбе лейтенант не ощущал никакой боли. Еще неделя – и можно было прощаться с гостеприимной семьей стариков-фламандцев, успевших привязаться к нему, словно к сыну.

Прежде чем вернуться на передовую, д'Артаньян еще мечтал побывать в Париже, по которому тосковал сейчас почти так же, как и по невесте куда запропастившейся Лили. Поэтому ни одного лишнего дня задерживаться в городишке он не собирался.

Дважды д'Артаньян получал от Лили записки. Но драгун-саксонец, привозивший их, так и не смог – или не желал – толком объяснить, где именно ему вручали эти послания, где находится баронесса. А его объяснение: «Она совсем недалеко отсюда» – приводило графа в ярость. Он с удовольствием проткнул бы гонца рапирой ⁶, если бы не боязнь, что с гибелью драгуна он уже никогда не дожидется третьей записки.

Правда, хозяин дома как-то намекнул, что вроде бы баронесса увезла брата в Германию, считая, что после двух ранений рисковать ему уже не стоит. Однако мушкетеру слабо верилось в это. «Истинного саксонца раны облагораживают», – Лили зря слов на ветер не бросает. И если уж она встретила этими словами весть о ранении своего брата...

Но сегодня баронесса Вайнцгардт, в конце концов, объявилась. Д'Артаньян еще спал, когда заглянула хозяйка, и, мило шепелявя на своем «фламандском французском», сообщила:

– Ваши страдания кончились, господин граф. Она вернулась.

– Вернулась? Кто? – не понял мушкетер, сонно протирая глаза.

– Вот этого вопроса я от вас не ожидала, – почти возмутилась госпожа Хундстар. – Конечно же, баронесса фон Вайнцгардт.

Графу запомнилась улыбка старухи, когда она произнесла это имя. Она показалась почти такой же прекрасной, как улыбка самой Лили.

Баронесса ждала его, сидя в седле. У задка ее нетерпеливо гарцевал явно застоявшийся боевой конь мушкетера.

Прежде чем что-либо молвить, д'Артаньян подошел к нему и впервые после неудачной встречи с Лили взобрался в седло. Делал он это с трудом, явно сдерживая боль, побаиваясь, как бы не разошлись свежие шрамы на ране.

– Вам хотелось, чтобы все было как во время прошлой встречи, баронесса Вайнцгардт?

– Умница, догадались, – едва заметно улыбнулась Лили, все еще присматриваясь к выражению лица мушкетера. С того момента, когда она поняла, с каким трудом дается ему посадка на коня, баронесса уже сожалела, что решилась подвергнуть его этому испытанию.

– Вас слишком долго не было, Лили.

– Зато теперь вы без зазрения совести смогли употребить слово «слишком». Мне приятно слышать его, граф. Однако не буду вас терзать. И еще: совершенно очевидно, что к путешествию в седле вы пока что не готовы.

Что значит «не готов»? – возмутился д'Артаньян и с такой отчаянной решимостью вцепился в поводья, словно его собирались стащить с коня. – Куда бы вы ни приказали, баронесса фон Вайнцгардт, я – с вами.

⁶ Довожу до сведения читающей публики, что, вопреки нашим традиционным представлениям, королевские мушкетеры Франции были вооружены не шпагами, а... рапирами. Это исторически засвидетельствованный факт. Впрочем, если кому-то, подобно А. Дюма, очень хочется видеть их со шпагами в руке, то стоит ли огорчаться?! Продолжайте видеть...

– В самонадеянности вам не уступит только мой брат. Однако это не самый страшный из ваших грехов. Отто, Карл! – тотчас же позвала Лили.

Сходя с коня, д'Артаньян увидел, как из флигеля, в котором размещалась столовая для прислуги, вышли двое рослых парней с угрюмыми, одинаково невзрачными, прыщеватыми лицами. Они были в кирасах ⁷, и не оставалось сомнения, что под власть баронессы попали прямо из-под власти командира наемного полка германцев-кирасир.

– Мы готовы, госпожа баронесса, – ответил один из них, тот, что был чуть повыше ростом.

– Сегодня в роли кучера выступаешь ты, Карл.

– Это так почетно, баронесса, – искренне признал кирасир.

«Интересно, где это она высмотрела таких суровых гигантов?» – откровенно возревновал д'Артаньян.

– Ты, Отто, захвати вина и еды, – продолжала отдавать распоряжения безмятежная Лили. – В дороге эта провизия пригодится, не придется просиживать в трактирах.

– Мы захватили: корзины уже в карете.

– Как вам все это удастся, Лили? – проследил д'Артаньян за тем, как неспешно занимает свое место на передке Карл. Его товарищ, поправив стоявшие в пирамиде ружья, усаживался на задке.

– В пансионе «Мария Магдалина» времени зря не теряла – это вы хотите сказать, граф? И вы действительно правы. Нет, барон Вайнцгардт здесь ни при чем. Он уже опять в отряде наемников, причем помогла ему в этом герцогиня д'Анжу. Кстати, она же выхлопотала для вас еще две недели отпуска.

– Какая непорочная христианская доброта! Я и не догадывался, что герцогиня принадлежит к благотворительному ордену кларисок ⁸, – столь же «благотворительно» ухмыльнулся д'Артаньян.

– В пяти милях отсюда, в сторону Арраса – замок ее тети, герцогини де Шеврез. В нем сейчас нет никого, кроме управителя. Мне сказали, что какое-то время мы можем чувствовать себя в нем хозяевами. Так что, в карету – и в путь, а, граф д'Артаньян? – впервые в словах и взгляде ее проскользнуло некое подобие кокетства.

– Клянусь пером на шляпе гасконца, – только и мог ответить мушкетер, помогая баронессе сойти с коня и взойти на ступеньку подъехавшей к ним кареты.

– Вас не пугает, что я слишком своевольно расправляюсь с вашей свободой, граф?

– Нет, Лили. Все эти дни я страдал именно от того, что обладал слишком большой свободой, на которую решительно некому было посягать.

– Что, однако, не мешало вам любезничать с соседкой мадам Хундстар, некоей мадемуазель Катрин, – спокойно, без мести и обиды, заметила Лили, вежливо махая рукой хозяйке, вышедшей на крыльцо, чтобы попрощаться с ними.

– Не более чем любезничание раненого солдата с неумелой сестрой милосердия, пытающейся перевязывать его. К тому же любому другому образу жизни эта девушка предпочитает монашеский, поскольку в монастыре, видите ли, смысл всего ее бытия! – все же не сумел скрыть своего осуждения мушкетер.

– Слишком елейно вы все это объясняете, граф, – гордо повела подбородком Лили. И д'Артаньян с ужасом подумал: «Неужели ей известны все подробности их ночной встречи с “монахиней” Катрин? Но от кого? От самой соблазнительницы? Это невозможно! Только не это!».

⁷ Металлический панцирь, защищающий грудь и спину. Отсюда и род тяжелой кавалерии – кирасирские полки.

⁸ Орден кларисок – женское ответвление монашеского ордена францисканцев. Монахини ордена проповедовали евангельскую любовь к ближнему, и часто становились сестрами милосердия.

– Меня все время мучает давнишний вопрос, – поспешил он сменить тему разговора, садясь в карету рядом с Лили. – Как вам удалось вырваться из нежных объятий мадам Дельпомас?

– Очень точно подмечено: именно из объятий я и вырвалась.

– Мне страшно было оставлять вас. Даже не представляете себе, насколько меня пугала сама мысль о том, что вам и дальше придется оставаться в этом пансионе. К тому же одной против целой своры, с маркизой Дельпомас в роли вожака.

– Мне и самой было страшновато.

– Тем не менее вы удивительно мужественны, Лили. Я ведь отлично понимал, что то, что маман Эжен устроила в последнюю ночь, – всего лишь прекрасно задуманный фарс. В выдумке ей, конечно, не откажешь.

– Но и в подлости – тоже, – холодно процедила баронесса.

13

– А ведь там, в пансионе, я понимала, что нахожусь на краю гибели, – задумчиво молвила Лили, глядя в окошечко на трущегося о холеный бок матери взмыленного жеребенка. – Вот только выбираться из волчьей западни «Лесная обитель» пришлось в одиночку, продемонстрировав маркизе, что ее козни меня совершенно не пугают.

– И каким же образом вам это удалось? – участливо поинтересовался д'Артаньян. Я не могу рассказывать о том, что происходило в пансионе до и после вашего визита, граф. Уже хотя бы потому, что дала себе слово не вспоминать об этом.

– Тогда скажите хотя бы вот о чем: как только вы добрались до Парижа, то сразу же обратились за помощью к герцогине д'Анжу?

– Ну, не сразу... Позвольте, – вдруг спохватилась Лили, – я вообще не обращалась к ней за помощью. А почему вы спросили об этом? – насторожилась баронесса.

– Любопытно, – настала пора насторожиться теперь уже д'Артаньяну. – Тогда как же произошла ваша встреча и почему вдруг эта дама так озаботилась вашей судьбой?

– Внешне все выглядело очень просто: обстоятельства свели нас в одном из парижских салонов, причем произошло это уже дня через три после моего появления в столице. Но, кажется, только сейчас я начинаю понимать, что все-таки это была не случайная встреча. Д'Анжу явно искала меня. Да и появилась она в этом салоне только ради беседы со мной.

– Не зря же она деликатно, хотя и настойчиво, выпрашивала о причинах вашего побега из пансиона «Мария Магдалина»...

– Даже слишком настойчиво. Совершенно не деликатничая при этом в своих суждениях о маркизе Дельпомас. Хотя раньше мне казалось, что они дружны и единомышленницы. Д'Анжу ведь не раз появлялась в «Лесной обители».

– И что, вы были столь же резки и откровенны в своих суждениях о пансионе, как и герцогиня?

– Боже упаси! Я постоянно помнила о слове, которое дала себе.

– В таком случае вы – мудрейшая из женщин, Лили. Вас попросту испытывали. Проверили, решитесь ли открывать Парижу тайны пансиона маман Эжен, причем делали это самым бесцеремонным, грубым образом.

– То есть герцогиня и маркиза все еще действуют заодно – это вы хотите сказать?

Но д'Артаньяну уже не хотелось что-либо говорить по этому поводу. Он понял, что побег Лили из пансиона вовсе не обезопасил ее, поскольку маркиза Дельпомас продолжает преследовать даже в Париже. И еще неизвестно, как будут развиваться события дальше.

– Кстати, чем закончились ваши встречи с герцогиней?

– Герцогиня ссудила мне большую сумму денег. На два года. Чтобы у меня была возможность вернуться в свое родовое имение.

– Попросту говоря, у вас купили обязательство оставить Париж и никогда больше не появляться в его окрестностях, – как бы про себя подытожил д'Артаньян. Он боялся, что Лили может обидеть такой вывод, но в то же время хотел, чтобы она понимала, что происходит на самом деле.

– Ну, почему же? – с ленцой отреагировала Лили. – Вернувшись в свое германское имение – а оно рядом с Францией, недалеко от Висбадена, – я смогу собрать необходимую сумму и вернуть герцогине долг.

– Логично, – не стал спорить д'Артаньян, грустно улыбнувшись. Он не был уверен, что из сетей герцогини вырваться будет так просто. – И что же представляют собой эти ваши владения, баронесса, если, конечно, это не тайна?

– Прежде всего, это наш родовой замок – огромный и жутко неудобный, как старая заброшенная крепость. По преданию, его построил наш далекий предок, Герман Вайнцгардт, один из древнегерманских вождей. Зато имение довольно богатое. А главное, брат полностью уступил его мне. Кстати, он объявил об этом своем решении только вчера, – просветлело лицо Лили. – Так что теперь я – владелица замка! Можете представить себе нечто подобное?

– Могу, но... пока что – с огромным трудом.

– Честно говоря, я тоже – «с огромным трудом». Но случилось то, что случилось. Брат оставил за собой только замок в самой Верхней Саксонии...

– Что еще раз убеждает нас, что барон фон Вайнцгардт – благороднейший из саксонцев.

14

Бой завершился тем, что последний из нападавших на кортеж Ольгицы, прихрамывая, убежал в лес, черневший по ту сторону моста. Вот тогда-то все подошли к человеку, плененному Кара-Батыром. Вначале трудно было понять, кто он. И лишь когда с факелом в руке прибежал кучер и осветил пленника, все увидели, что тот облачен в монашеские одежды.

– Ну, вот, нашли вояк-похитителей, – с презрением окинул его взглядом поручик. – До какой же низости нужно было пасть врагам нашим, чтобы превращать в наемных убийц жалких монахов!

«Жалкому монаху» было за сорок. Он стоял на коленях, молился и без видимого страха поглядывал на Диану. Ствол пистолета графини был направлен в его голову.

Татарин взял из рук кучера факел и поднес его к лицу монаха:

– Пока что я всего лишь освещаю, чтобы ты видел, кто перед тобой, шакал. А потом выжгу глаза и стану поджаривать лицо и грудь до тех пор, пока не скажешь правду. Ну?!

– Я скажу ее, скажу! – закричал монах, отстраняясь от огня и заслоняя лицо руками. – Как только мы выберемся из этого страшного леса, я расскажу все, что знаю.

– Нет уж, рассказывай здесь и сейчас, – почти прорычал Кара-Батыр.

– Я должен был допросить графиню де Ляфер. Захватить ее и допросить. Мы не грабители. Есть среди вас графиня?

– Графиня де Ляфер перед вами, преподобный, – с вежливой иронией представилась Диана. – Зачем понадобилась засада? Мы могли познакомиться с вами в любое время, в любом из заезжих дворов.

– Люди, которых мы наняли, должны были всего лишь захватить вас. Не причиняя вам при этом никакого зла.

– Вы не объясните мне, преподобный, как можно захватить человека ночью, в лесу, вырвав его у вооруженной охраны, не причиняя при этом зла? Тем более что речь идет о женщине. Побойтесь Бога.

– И все же, мы только хотели допросить вас, – угасшим голосом бубнил монах. – И не более того!

– Ладно, не будем выяснять подробности ваших намерений. В чем заключался бы смысл вашего допроса? Что вас интересовало? – снова ткнула пистолетом ему в лицо графиня.

– Почему королева Мария-Людовика Гонзага столь неожиданно прибыла в Краков и терпеливо дожидается вас? Почему именно вас?

– Королева вправе призвать к себе любого из подданных.

– Никто и не оспаривает это ее право, никто и не оспаривает... Но каким образом этот вызов связан с предстоящей поездкой предводителей украинских казаков во Францию? Как вообще он может быть связан с ней? – уточнил монах.

– Вот это уже существенно. Люди, которые послали вас, хотят знать, какое отношение имеет графиня де Ляфер к переговорам польского правительства и казачьих предводителей с Францией. А если бы я не пожелала отвечать на ваши вопросы?

– Есть вопросы, на которые невозможно не ответить, – монах уже немного пришел в себя и голос его стал жестче, – настолько ответы на них важны для людей, которые организовали эту засаду.

– Я очень удивлю вас, если скажу, что точно так же они важны и для меня. Так, может быть, нам следует объединить свои усилия, чтобы выяснить правду у людей из окружения королевы? Извините, преподобный, но теперь вам придется выбирать, кому служить преданнее – тем, кто вас нанял, или той, что сохранила вам жизнь после неудавшегося нападения.

Монах не ответил. При свете факела видно было, что он шевелит губами, но слов его расслышать графиня не могла.

– Если вы решили молиться, преподобный, то время выбрали неудачное. Я сказала: «Вам придется выбирать».

– Я сделал свой выбор, принимая монашеский обет.

– Вот как?! И в этом обете речь шла о преследовании бедной, беззащитной графини де Ляфер? Странные нынче пошли обеты у наших монахов! – саркастически возмутилась Диана. И, не меняя тона, спросила: – Организовал нападение, конечно же, вездесущий и досточтимый орден иезуитов?

– Даже если я отвечу: «Нет», вы ведь все равно не поверите.

– Я всегда верю людям, которые, давая монашеский обет, освобождают себя от любых нравственных христианских запретов. Кто вы? Из какого монастыря?

– Лишь после того, как татарин обжег ему пламенем подбородок, монах сквозь зубы про-
цедил:

– Хорошо, я буду откровенен. Меня зовут Игнацием.

По имени основателя ордена Игнация Лойолы?

– Очевидно. Я – из Горного монастыря Всех Святых Великомучеников.

«Всех великомучеников», говорите?! – язвительно заметила Диана. – Как трогательно! «Великомученики», которые послали вас... От кого они узнали о письме королевы?

– Разве меня, монаха, в такое посвящали?

– Тогда назовите имя хотя бы одного, главного «великомученика», затеявшего всю эту охоту.

– Он не монах. Мало того, он слишком важное лицо, чтобы те, кого отправляют в ночной лес, могли осквернять его имя, упоминая всуе.

– Но вас-то, вас самого, это интересует: почему королева вызвала меня к себе?

– Я обязан выполнить то, что приказано. Это мой долг.

Графиня внимательно осмотрела всех присутствующих. Мужчины угрюмо молчали.

– Ну что ж, тогда, из уважения к вашему монашескому сану и к вашему послушанию, я поведаю все, что знаю по поводу этого письма, королевы и моего приезда в Краков. Подчеркиваю: все, что знаю и о чем догадываюсь.

– Это еще зачем? Не вижу в этом смысла, графиня, – занервничал поручик Кржижевский. – И вообще, кому нужны сейчас, в этом ночном лесу, ваши откровения?

– Смысл есть во всем, поручик. Тем более – в желании открыть истину монаху, который ради постижения ее ударился во все тяжкие.

Еще выше взошла луна. Стало достаточно светло, чтобы погасить факел, однако татарин все еще стоял с ним за спиной монаха.

Добив по приказанию поручика трех раненых на мосту, гусары подошли к графине и пленному, чтобы попытаться понять, что здесь происходит. Но любопытство их оказалось не ко времени.

– Я прошу всех отойти. Всех-всех! – приказала Диана. – Поручик, кучер, Власта... Готовьте к поездке экипаж и лошадей. Никого из вас я надолго не задержу.

Все, кроме Кара-Батыра, попятились от кареты. Татарин считал, что его эта просьба не касается, поскольку лично он всегда слышит только то, что ему позволено слышать.

– Ну, что вы топчитесь, как стреноженный конь? Выполняйте приказ графини! – крикнул он на какого-то зазевавшегося гусара.

15

В течение нескольких минут графиня рассказывала все, что знала об истории письма королевы, о ее «тронных страхах», об Ольгице, об этой поездке. Монах стоял на коленях и изумленно слушал ее. О том, что королеву испугала болезнь короля, что она начала метаться по королевству в поисках знахарей и влиятельной поддержки, монаху в общих чертах уже было известно. Поэтому в правдивости исповеди француженки он не сомневался.

Не мог он понять другого – почему графиня так откровенна с ним? Что заставило ее рассказывать о том, о чем должна была бы молчать даже под пытками тайной иезуитской инквизиции? Уж он-то знал, что графине де Ляфер было уготовано одно из тайных монастырских подземелий, где ей продемонстрировали бы полный набор приспособлений и способов пытки.

– Ну, что, я удовлетворила вашу любознательность, преподобный? – наконец спросила графиня, закончив свой рассказ.

– Да-да, – заикаясь, произнес монах, – это так неожиданно для меня. В-вы святая, графиня.

– Уже пытаетесь причислить меня к лику святых? – сочувственно улыбнулась де Ляфер. – Польщена, хотя лично мне это ни к чему. Да и зачем все эти лишние хлопоты?

– Н-но я действительно не ожидал.

– В этом-то и заключается ваша ошибка, преподобный. Соглашаясь на такое злодейство, вы, прежде всего, обязаны были предусмотреть именно такой, плачевный для вас, исход миссии. То есть обязаны были ожидать чего угодно.

– Вы н-не поняли меня. Я хотел сказать, что не ожидал услышать столь откровенный рассказ.

– Что вы, преподобный, с монахами я всегда откровенна, как ни с кем другим.

– В любом случае, позвольте мне встать с колен. Они уже не держат меня.

– Встать?! – удивилась графиня. – Нет, этого я вам не позволю. Вам еще только предстоит опуститься на колени, преподобный. Еще только предстоит – вот в чем дело. Я поведала обо всем, что вас интересовало. Ответила на все ваши вопросы. Следовательно, вам нечего таить обиду на меня, правда?

– Хранит вас Господь. Какая может быть обида? Вы беспредельно добры, – дрожащим голосом уверял ее монах Игнатий.

Странное дело, но чем добрее и нежнее становился голос этой прелестной девушки, тем страшнее она казалась монаху. Было в ее доброте что-то от заботливости палача, трогательно поправляющего петлю на шее обреченного.

Игнатий бормотал еще что-то: о доброте и всепрощении, о своей заблудшей душе, однако графиня укоризненно прервала его:

– Пересказывая мою исповедь в аду, не упустите каких-либо подробностей, – все так же мягко, почти нежно напутствовала его де Ляфер. – А теперь прощайте, мой безгрешный. Прощайте, прощайте... – И движением руки отстранив от Игнатия своего телохранителя-татарина, разрядила пистолет прямо в голову монаху.

– Эй, кто стрелял?! – всполошился поручик Кржижевский, находившийся в стороне от кареты. – Графиня?! Кара-Батыр?!

А Диана, не давая своим спутникам опомниться, командовала: – Все, привал окончен! По коням! Мы и так потеряли уйму времени!

Но вместо того, чтобы готовиться к дороге, поручик, кучер и гусары бросились к месту казни.

* * *

Осознав, что произошло, несколько минут все оцепенело молчали. Даже поручик, и тот пребывал в шоке.

– В-вы... – удивительная женщина, – заикался Кржижевский почти так же, как только что это делал монах. – Мне еще не приходилось встречать...

– Могли бы ограничиться первыми двумя словами: «Вы – удивительная». И запомните: если по пути к Кракову со мной еще раз произойдет нечто подобное...

– Неужели подозреваете, что это случилось по моей вине? – изумился поручик.

– Я всего лишь подозреваю, что если нечто подобное действительно произойдет, вас вздернут вместе с вашей Марисей-Людовикой Гонзагой де Невер, возомнившей себя королевой Польши, – озлобленно, хотя и вполголоса, объяснила ему графиня.

– Что вы, графиня! Если в этом лесу и случится что-либо страшное, то случится оно с нами обоими.

Выстрел прозвучал совершенно неожиданно, словно лесной отзвук далекого грома. Пуля прошла над пламенем факела, по которому, очевидно, и целился стреляющий, и вырвала кусок коры у дерева, в нескольких дюймах от лица графини.

Прежде чем кто-либо успел опомниться, де Ляфер выхватила из-за пояса второй пистолет и выстрелила на звук. Восприняв это как сигнал к атаке, поручик и гусары бросились к мосту. Лишь Кара-Батыр, не решаясь оставлять графиню одну, схватил ее за предплечье и увлек за широкий ствол ближайшего дерева.

– Я вижу его, – вдруг послышался рядом с ними отрешенный голос Власты. – Он садится на коня. Он слева от моста и садится на коня. Вот он ускакал. Какая-то усадьба в лесу. Какое-то строение. Монастырь? Он стремится туда.

– Хватит демонстрировать свое божественное ясновидение, – жестко оборвала ее графиня, только теперь резко освобождаясь от крепкой руки татарина и выходя из-за дерева. – Вы могли бы появиться с ним чуть раньше, когда этот злодей еще только подкрадывался к мосту и готовился стрелять.

– Увы, это не в моей воле.

– В чьей же тогда? – прошипела графиня. – Эй, гусары, назад! Поручик – к карете. Будем считать, что одного вы все же упустили, воины и провидцы. А значит, пока дотащимся до Кракова, еще раз пять попадем в засаду.

Поручик вернулся к графине ни с чем. Стрелявший сбежал. Вместо его головы Кржижевский смог бросить к ногам де Ляфер свою собственную вину.

– Двое гусар все время будут ехать впереди. Должны же мы когда-то выбраться из этого леса, – виновато объяснил он.

– Я свое слово сказала, поручик. – Голос графини опять начал обретать нежность, которая еще несколько минут назад так очаровывала монаха. Но Кржижевский уже научился улавливать эти ее «переходы к ангельской милости».

16

- Кто-нибудь! Помогите найти дорогу к карете!
- Это еще кто? – удивилась графиня, вырывая у Кара-Батыра догорающий факел.
- Похоже, что Ольгица.
- Где вы? Я никого не вижу!

Все удивленно смотрели в сторону реки. Как ни странно, в суете они совершенно забыли о слепой старухе. Все, даже Власта, вдруг почему-то забыли об Ольгице! Словно ее и не существовало.

– Еще одна провидица! – насмешливо бросила графиня. – О, теперь она нам тоже пона-расскажет, как она все видела и заранее предвидела.

– Как вы смеете, графиня?! – возмутилась Власта. – Если бы не она, все мы лежали бы у моста, вместе с убитыми монахами.

– Что именно ответила графиня, Власта уже не расслышала. Она бросилась к Ольгице, прижалась подбородком к холодному плечу, как бы прося прощения за то, что на какое-то время предала ее.

– Что с тобой? – полупшепотом спросила она старуху. – Ты что, совсем ничего ни «видишь»?

– Ослабла я – вот что со мной происходит. После всего, что случилось на мосту, я слишком ослабла. Тебе следовало бы помочь мне.

– Неужели совсем ничего не «видишь»? – встревожилась Власта, понимая, что если бы Ольгица вдруг лишилась своего провидческого дара, это стало бы настоящей трагедией для них обоих.

– Но каким образом я могла помочь тебе?

– Таким же, как тогда, в трактире Ялтуровича.

– Там, у Ялтуровича, ты действительно почувствовала, что я тоже... пыталась облагородить этого неистового француза? – заинтригованно спросила Власта. – Никогда раньше ты об этом не говорила.

– Тогда уж признаюсь, что я только для того и решилась на конфликт с майором де Рошалем, чтобы втянуть, спровоцировать тебя на участие в этой непонятной для всех остальных схватке. Наверное, не следовало прибегать к такой аванюре, не следовало рисковать тобой. Но ведь подобный случай представляется редко.

– Так ты, Ольгица, сама заставила майора взяться за саблю?! Ну, отвечай, отвечай! Ты специально вынудила де Рошала схватиться за оружие?

Однако ответа Власта так и не дождалась. Ольгица сделала вид, что вообще не расслышала ее вопроса.

Примчался поручик, потоптал копытами коня сухостой у подножия холма, на котором стояли женщины, убедился, что ничего страшного с ними не произошло и, ни слова не молвив, ускакал к карете.

– Ты должна объяснять мне то, чего я не способна понять.

– Никогда не требуй ответа в тех случаях, когда он тебе хорошо известен, – сухо проскрипела словами слепая провидица.

– Понятно, Ольгица, понятно, – примирительно погладила ее предплечье Власта, извиняясь за назойливость. – Ты права: там, в трактире Ялтуровича, я действительно помогла тебе, а вот сегодня не решилась. Просто испугалась, да настолько, что не рассчитала свои силы. Ну, еще Богу молилась. Но тоже, видно, не ко времени.

– Напрасно молилась, – все так же сухо и резко отрубил Ольгица. – Надеяться нам с тобой нужно только на себя. И молиться себе самим. И еще... С этого дня, вернее, с этой ночи,

ты всегда должна ощущать в себе такие же силы, какие ощущаю я. Пора передавать тебе все свои тайны и секреты, все связи с высшими силами. Причем все, а не только забавы, которыми время от времени веселила тебя в Каменце. Время мое уходит, так что...

– Графиня Ольбрыхская! – вновь приблизился к ним поручик. – Мы ждем вас. Нужна моя помощь?

– Нет, поручик, она нужна была монаху, которого вы только что убили. Не следовало торопиться. Он многое мог бы рассказать вам.

– Но таковой была воля графини де Ляфер. Она чужих откровений не любит, а своими делится только тогда, когда знает, что выслушавший уйдет с ее тайнами на тот свет.

– Это вы верно заметили, – согласилась Ольгица. – Однако действительно пора трогаться в путь.

– Но почему ты решила, что дни твои сочтены? – еле дождалась Власта, когда поручик уберется восвояси. – Почему вдруг ты заговорила об этом? – выпрашивала ее девушка, помогая сойти с холма. Она и сама понимала, что пора присоединиться к окружению графини Дианы. – Ты ведь прекрасно чувствуешь себя. Даже страшно подумать, что я, что весь этот мир может остаться без тебя.

– О, ты еще многого не знаешь. Мир этот бранный распрощается со мной с величайшим облегчением, – вслух рассмеялась Ольгица, что случалось с ней крайне редко. – Другое дело, что одна часть людей, которые знают о моем существовании, попросту не заметит этого исчезновения, другая облегченно вздохнет. Однако никто еще не подозревает, что вместо меня останешься ты. Я позаботилась об этом. Так уж повелось, что, уходя, такие, как я, всегда... остаются.

– И ты уверена, что я полностью смогу заменить тебя? – с суеверным страхом в голосе спросила Власта.

– Не о том мы сейчас говорим. Нам следует поскорее закончить формальности, связанные с передачей имения Ратоборова, и переезжать туда. У нас слишком мало времени.

– Хорошо, Ольгица, хорошо. Решать, как всегда, тебе. Причем знай: что бы с тобой ни случилось, я всегда буду оставаться послушной и преданной.

17

Замок герцогини де Шеврез оказался не из старинных. Возводя его, мастера каменных дел даже не пытались подражать древним родовым твердыням Валуа, Конде и Гизов, больше напоминавшим пограничные крепости времен Карла Великого ⁹, чем приспособленные к салонной жизни аристократические замки-дворцы Парижа.

Что же касается обители герцогини Мари де Роан-Монбазон де Шеврез, упорно интриговавшей в свое время против кардинала де Ришелье, а теперь перенесшей весь свой аристократический гнев на его последователя, кардинала Мазарини, то она представлялась такой же театрально-легкомысленной, как и заговорщицкие пасьянсы ее владелицы. Кстати, настолько замысловатые, а главное, «тайные», что каждая новая интрига почти с момента ее замысла обсуждалась, пересказывалась и осмеивалась в рядах сторонников Мазарини наравне с очередным бездарным английским анекдотом.

Прежде чем войти в стены замка, лейтенант и баронесса обо-шли его, словно новые владения. Гнетущее впечатление, которое он произвел на мушкетера, Лили выразила предельно просто: «Возведя такой замок, любой саксонец сгорел бы от стыда. Бездумно-непозволительная трата камня».

– Зато какие чудные окрестности! – романтическим взором обвел мушкетер подступающее к родовому гнезду Шеврез унылое редколесье.

Он говорил это искренне, поскольку ясно представил себе серые замшелые громадины замков, милых саксонскому сердцу его Лили.

– Почти такие же, как в окрестностях замка Вайнцгардтов неподалеку от Висбадена, – Лили осматривала это уныние со смотровой площадки на крыше центрального корпуса замка.

– Надеюсь, у меня появится возможность полюбоваться этими краями.

Сразу же стало ясно, что положенного количества слуг в замке нет, а тех троих, что остались в нем, Лили сразу же постаралась отстранить от дел. Еду им приносили саксонцы Отто и Карл. Они же бдительно следили за ее приготовлением. А когда Лили и д'Артаньян пошли в спальню, их телохранители внимательно осмотрели весь замок, проследили, чтобы в нем не осталось ни души, и стали на страже у северных и южных ворот. Суровые и неприступные в своей грозной молчаливости, они вселяли в д'Артаньяна уверенность, что ему не следует опасаться здесь не только заговорщиков, но и привидений.

– Когда я стану полководцем и получу возможность формировать собственное войско, – не удержался он уже на пороге спальни, – я наберу его исключительно из саксонцев.

– Можете считать, что польстили мне, – холодно улыбнулась Лили. – Решусь признаться, что, став владелицей двух замков рода Вайнцгардтов, охрану их сразу же поручу французам, и только французам.

– Гасконцам, Лили, гасконцам. И это – существенное уточнение, – с опаской провел рукой по ее золотистым локонам мушкетер. Однако поцеловать так и не осмелился.

И вообще д'Артаньян чувствовал себя как-то странно. Он не сомневался, чем закончится поход в спальню. Но в то же время холодность саксонской красавицы настолько охлаждала его пыл, что иногда д'Артаньяну казалось, будто он готовится не к страстной любовной игре с ней, а к мрачному, гнетущему ритуалу, который можно было бы назвать ритуалом лишения невинности, если бы только речь шла не о пансионесс маркизы Дельпомас. К тому же он представления не имел, как вести себя во время его совершения.

Но, похоже, саму Лили условия этого ритуала не смущали.

⁹ Карл Великий (742–814) – король Франконии, император Запада – то есть государственного образования на части Западной Европы, в которое входила и Франция. Герой известной поэмы «Песнь о Роланде».

Кожа Лили казалась настоящей на луговых цветах, а спадающие к талии волосы источали пряный запах восточных ароматов. Опыленный им, д'Артаньян не решался сделать ни одного движения, даже был не в состоянии отвести взгляд от чарующих очертаний тела юной баронессы.

Лили взяла кувшин с вином и наполнила два бокала. При этом она смотрела на д'Артаньяна со снисходительным удивлением: «Чего еще вы ждете от меня, граф?!»

– Если помните, мы условились увидеться сразу же, как только окажетесь способны к фантазиям, – подала один из бокалов ему. – Надеюсь, этот день настал?

– Стоит взглянуть на вас, чтобы убедиться, что все мои фантазии оказываются слишком упрощенными, – честно признался д'Артаньян, поднимаясь.

Они выпили стоя. И потом еще несколько мгновений д'Артаньян стоял, побаиваясь прикасаться к оголенному телу Лили. Прекрасные формы его казались такими совершенными, что любое прикосновение к ним грубых, пропахших порохом и привыкших к оружию мужских рук выглядело кощунственным.

– Я понимаю: вы еще не окрепли, – как бы извиняясь проговорила Лили, и только теперь лейтенант заметил, что глаза ее полузакрыты, а губы чувственно тянутся к его губам.

– Дело вовсе не в этом, Лили. Просто вы слишком красивы, просто-таки божественны для того, чтобы представлять передо мной столь доступной.

– Это не доступность. Я всего лишь хочу, чтобы все было, как тогда... – прошептала баронесса.

– Когда? – так же, полупшепотом, спросил мушкетер.

– О, нет-нет, – мягко успокоила его Лили, и мушкетер так и не понял, о чем это она. Откуда ему было знать, что сегодня она все попыталась устроить таким образом, чтобы было похоже на то, ее первое грехопадение, происшедшее в спальне маркизы Дельпомас.

– Чтобы было еще лучше, чем то, что я испытала тогда... – чувственно лепетала Лили, уже лежа в постели и терпеливо выжидая, пока мужчина нервно раздевался.

Но даже эта спешка не помешала д'Артаньяну поинтересоваться:

– «Как то, что вы испытали тогда»? Когда именно? О чем вы, Лили?

– Я сама хотела этого, сама. Впрочем, нет. Ну что вы? Речь совершенно не о том, что вы себе вообразили.

– Извините, но я пока еще ничего не вообразил, – уверил ее д'Артаньян, бросая на стул подвязку с рапирой. – Поскольку не способен понять, о чем вы говорите.

– Верно, это и невозможно вообразить. Но я страстно желаю, чтобы то, что нам предстоит сейчас, было куда прелестнее и заманчивее.

Д'Артаньян на какое-то мгновение замер, завис над пленительным девичьим телом, словно коршун над поверженной, беспомощной добычей, а потом с какой-то невиданной яростью, с дикой яростью гунна, набросился на него. Набросился, презрев всякие условности, любые попытки облачить свою буйную страсть в шелка хоть какой-то нежности.

Сначала Лили восприняла это с ужасом. Еще мгновение, и она готова была оттолкнуть д'Артаньяна, вырваться из объятий. Но резкая, вспыхнувшая пламенем боль на какое-то мгновение опередила ее. И, томно закричав, яростно взбунтовавшись под телом мужчины, Лили вдруг вцепилась ему в плечи и, в исступлении сжав их, простонала:

– Бо-оль.

– Что? Ах да, потерпи, милая, потерпи, Лили.

Не в этом дело. Боль – вот чего тогда не было! Я не ощущала этой сладострастной боли. И никогда маман Эжен не убедит меня, что ощущение этого адского сладострастия не есть божественный дар.

18

Когда проезжали мост, в карете царило такое тягостное молчание, словно в ней властвовал дух только что расстрелянного графиней де Ляфер монаха-иезуита. Однако оно совершенно не угнетало Диану. Заложив ногу за ногу, графиня мурлыкала себе под нос какую-то легкомысленную песенку и, не выпуская рукояти пистолета, поглядывала в боковое окошечко, время от времени приоткрывая дверцу. Она вела себя так, будто собиралась охотиться, не выходя из кареты.

– Насколько мне помнится, вы говорили о хуторе лесника, досточтимая графиня Ольбрыхская, – вежливо нарушила Диана обет молчания как раз в ту минуту, когда, проехав еще один, теперь уже небольшой, шаткий мостик, они оказались на вершине песчаного холма, на котором колеса кареты увязали по оси.

– После всего того, что произошло, вы решитесь ночью заезжать на хутор лесника? – удивилась Власта. Хотя еще несколько минут назад графине казалось, что она умудрилась уснуть. – Не советую, не стоит. Лучше уж дотрястись до ближайшего села.

– Ваша впечатлительность способна умилить кого угодно, – умышленно громко рассмеялась француженка. Атмосфера монашеского молчания ее совершенно не устраивала. – Хотелось бы знать, где этот хутор, госпожа Ольбрыхская.

– Я ведь сказала, что на рассвете мы часок-другой отдохнем у лесника, – глухо ответила Ольгица.

– Мне бы ваше провидчество, графиня... Кстати, почему вы так уверены, что мы неминуемо станем отдыхать на этом хуторе? Стоит мне приказать, и мы проедем мимо него. Никакие архангелы не заставят меня свернуть к хутору.

– Свой вопрос вы задали только потому, что намерены были свернуть к дому лесника. Причем сделать это вопреки воле спутников.

– Вам и такое открылось?

– Разве для этого нужно быть пророчицей? – снова вмешалась Власта. Она вдруг вспомнила о Гяуре. Все, что им только что пришлось пережить, заставило девушку подумать о князе с такой душевной теплотой, словно это его ангел-хранитель спас их всех от неминуемой гибели.

Но воспоминание о Гяуре не могло не привести и к воспоминанию о том, что напротив нее сидит соперница. Власта слишком долго и настойчиво пыталась забыть об этом, чтобы действительно... забыть.

– Вам – необязательно. Любое пророчество вам только вредит. И вообще, что вам не дает покоя? Тень казненного мною монаха? Да бог с ним. Он так спешил на исповедь к Господу, что было бы страшным грехом не указать ему, заблудшему, кратчайший путь к золотым воротам рая. Что же касается князя Гяура, – коротко хохотнула она, – ревновать меня к нему тоже не стоит. Он давно ваш. Ваш, ваш. Разве пани Ольгица еще не напрооричила вам судьбу жены князя Одара?

Власта собиралась что-то ответить, но Ольгица сжала своими крепкими костлявыми пальцами ее запястье и почти тотчас же открыла дверцу. В следующее мгновение возле нее появился Кара-Батыр.

– Графиня де Ляфер, – негромко проговорил он, – там, впереди, опять какие-то люди. Их двое. Всадники.

– Ну и что? Вас тоже двое. Уберите их. Или без меня не справитесь?

– Я всего лишь хотел предупредить, – тяжело дышал татарин. Чувствовалось, что он только что примчался.

– Они прибыли с хутора, – заметила Ольгица. – Ждут нас, только уже в виде пленниц.

– Ах, в виде пленниц?! – мгновенно отреагировала графиня, которую это сообщение словно бы вырвало из полудремы. – Что, Кара-Батыр, вам действительно нужна моя помощь, чтобы достойно принять почести этих бродяг?

– Аллах всемогущ, графиня-улан, – мгновенно выпрямился в седле татарин. – «Почести, – коротко, зло рассмеялся он. – Принять почести!»! – Он понимал и ценил шутки своей божественной графини. Разве кто-нибудь другой в этом мире смог бы с такой проницательностью ценить мудрость ее величественных шуток?

Он все еще смеялся, когда один из тех двоих, что встречали их, не сумев разобраться в темноте, с каким кортежем движется карета, крикнул:

– Ну, что, нехристи-монахи, графиня в наших руках! – голос был пьяный и нахраписто-наглый. Голос человека, для которого давно не существовало страха ни перед церковью, ни перед святыми отцами, ни перед властями, ни перед самим Богом.

– В наших, конечно! – ответил поручик Кржижевский. – Далеко ли до хутора? Кажется, мы сбились с дороги!

– Не сбились! Сейчас нужно будет свернуть вправо! Сворачивайте сразу же за поляной! Мы доведем!

– Эй, а кто эти люди? – вдруг забеспокоился другой встречавший. – Не монахи это! Кто вы такие?!

Он уже был у кареты. Это-то и заставило графиню де Ляфер подхватиться. Открыв дверцу, она ступила на подножку и, крикнув кучеру: «Останови!», выстрелила. Раненый конь вздыбился и, развернув всадника спиной к графине и стоявшему рядом поручику, осел на задние ноги. Воспользовавшись этим, Кржижевский бросился к всаднику, и в сиянии выглянувшей в разломе черно-синих туч луны едва сверкнуло лезвие сабли.

– Это не они! – невесть кому прокричал другой всадник, которого графиня узнала по пьяному, нахрапистому голосу.

– Это не они! Измена! – кричал он, очевидно, только для того, чтобы заглушить в себе страх. – Где эта сатанистка-француженка?!

Разъяренный и пьяный, он упустил те несколько секунд, которых вполне хватило бы, чтобы обратиться в бегство, но которых оказалось достаточно, чтобы Кара-Батыр заарканил его и буквально выдернул из седла.

– Это вам так не терпелось увидеть «сатанистку»? – склонилась над лежащим на земле пленником Диана де Ляфер, незаметно для всех оказавшись на его коне. – Так вот же она – перед вами. Она предстает перед каждым, кто этого возжелает. Поручик, Кара-Батыр, связать его! Кучер – помочь им! И сюда его, к седлу «сатанистки»!

19

Бросившегося им навстречу пса татарин свалил двумя стрелами, и вход во двор лесника оказался свободным. Дверь была незапертой, горелка еще коптила, а весь стол был заставлен чашами для вина и всевозможными обедами.

– Вот здесь они и пировали, перед тем как двинуться нам навстречу, – язвительно проговорила графиня, подбоченясь. Сейчас она вела себя, как командующий армией, ворвавшейся в цитадель врага. – Где этот наш сатанистонавистник? Приволоките-ка его сюда.

Стоять на ногах пленник уже не мог. Почти половину расстояния, отделяющего место схватки от дома лесника, графиня протащила его за конем, и теперь на него страшно было смотреть. Когда кучер и татарин втащили пленника в дом, Диана увидела у своих ног жуткое месиво из грязи, крови и лохмотьев.

– Будешь отвечать сразу или же предпочитаешь пройти через пытки? – устало спросила его графиня, опустившись на стул и отпивая из чаши, которую поднес ей поручик, уже успевший выяснить, что в бочке все еще остается немало вина.

– Сразу, – едва слышно пробормотал тот, кто еще несколько минут назад громычал своим голосом так, что слышно было за версту. – Н-не надо никаких пыток.

– Я ведь только спросила, – мягко заметила графиня-воительница. – Ты хозяин этой разбойничьей хижины?

– Хозяина, очевидно, убили. Вы убили, там, на дороге.

– Жаль, без хозяина как-то неуютно. Получается, что без приглашения. А пребывал он в этой берлоге один?

– Один.

– Но если лесник погиб, последовав вслед за монахами, тогда кто же вы? Представьтесь же наконец.

В ответ пленник промывчал нечто нечленораздельное. Диана повторила свой вопрос чуть строже, но и после этого ответа не последовало.

– Вы же сами согласились отвечать без пыток, – удивилась графиня. – Кстати, кто-то сбежал с места схватки. Странно, что не вернулся сюда. Неужели страх погнал его к монастырю?

Подчиняясь ее повелительному взгляду, татарин приподнял голову пленника за волосы и поднес к его подбородку зажженный от горелки факел. Пленник зарычал от боли. Татарин повторил свой эксперимент еще и еще раз.

– Нет! Нет, я скажу! – теперь крик разбойника снова напомнил графине рычание раненого тура. – Я все скажу, пощадите!

«Пощадите» – это уже лишнее, – презрительно отвернулась графиня. Однако вслух спокойно, мягко произнесла:

– Я терпеливо слушаю. Вы что, успели забыть мой вопрос?

– Перед вами – капитан Ганжульский. Ян Ганжульский. Капитан артиллерии коронного войска. Мой отец – маршалок родового поместья Адама Киселя, если изволите знать такого...

– Не изволим. Ваша родословная, капитан Ганжульский, нас уже не интересует, – прервала Диана представление ночного знакомого. – Так что, вы были посланы, чтобы перехватить нас в пути? Кем? Я спрашиваю, кем вы были посланы?

– Паном Дембовским. Полковником Дембовским. Вы, должно быть, знаете его.

– Не лучше, чем вас.

– Я его тоже не знаю.

– Неужели для полковника так важно было разведать, почему я и мои спутницы, – кивнула она в сторону соседней комнаты, где Ольгица и Власта сидели настолько тихо, что трудно

было поверить, что они действительно находятся в доме, – едем в Краков? Какой у него в этом интерес?

– Понятия не имею.

– Значит, он послал вас к настоятелю Горного монастыря, дал деньги для найма целой банды, а также для платы леснику, только ради того, чтобы удовлетворить свое любопытство? Я в это не верю. А вы, поручик?

– Я даже плохо представляю себе, кто такой этот полковник Дембовский. Существует ли он на самом деле. Хотя фамилия этого человека мне вроде бы знакома. Словом, кто такой Дембовский, мы выясним уже в Кракове.

– Тем более что нас интересует не столько сам полковник, сколько тот человек или, может быть, целый выводок шляхты, который стоит за ним и который на самом деле оплатил столь странное любопытство полковника.

– Но этого я не знаю! – закричал Ганжульский. – Я не знаю, кто стоит за Дембовским, – взмолился он. – На распятии буду кричать, что не знаю, кто повелел Дембовскому послать меня в этот распроклятый монастырь, а потом на эту лесную дорогу! Я всего лишь капитан артиллерии.

– Как много раскаявшихся в течение одной ночи, – отпила Диана из чаши. Вино было красное, старое, медово-сладкое. Вряд ли такое вино могло настояться здесь, в Польше, в подвале лесника. Откуда в этой северной глуши взяться винограду? Другое дело, что бочонок привезен монахами. А попало оно в монастырские подвалы скорее всего из Венгрии или Семиградья. – Если так пойдет и дальше, мне придется поверить, что мы пережили ночь покаяния перед Страшным судом. И тоже начать раскаиваться.

– Страшный суд – это мы пану капитану обещаем, – заверил ее Кара-Батыр. Улыбка, скользнувшая по его лицу, была заимствована у бахчисарайского палача. – Будем еще спрашивать?

– Он больше ничего не знает, – покачала головой графиня, – а коль ничего не знает, стоит ли тащить его с собой до самого Кракова? – взглянула она на поручика. – Все, что может заинтересовать королеву в истории этого ночного монашеского заговора, она узнает от полковника Дембовского. Не так ли, поручик?

– Святая правда.

– В таком случае капитан от артиллерии меня больше не интересует.

Кара-Батыр и поручик уставились на графиню, ожидая ее приговора. По их пониманию, она обязана была сказать еще что-либо, разъяснить свое намерение. Но поскольку с разъяснениями Диана не спешила, мужчины терпеливо ждали. Причем непонятно чего.

– Так вы и в самом деле ждете, чтобы я приказала найти достойное этого капитана-артиллерию орудие и выстрелить его бранными телесами в сторону Варшавы? – вежливо поинтересовалась де Ляфер, уяснив, что дальше молчать бессмысленно. – Унесите его. И чтобы к утру никто и вспомнить не мог ни о капитане, ни об этом лесном пристанище монахов-разбойников.

Когда через час Ольбрыхская и Власта сели в карету, первые проблески рассвета уже сливались с пламенем пожара. А крик брошенного в горящую сторожку капитана отчаянно и скорбно оплакивала усевшаяся на ближайшей сосне плакальщица-сова.

– Вы немисливо жестоки, графиня, – глухо молвила Ольгица, услышав, что Диана де Ляфер приблизилась к дверце экипажа.

– Вам не стоит судить об этом, госпожа Ольбрыхская, – спокойно, не повышая голоса, отрубила Диана. – Что вас удручает, мадам? Не вы ли при каждом возможном случае твердите, что судьбы начертаны на небесах, грехи ниспосланы дьяволом, а участь каждого из нас, червей земных, предрешена? Тогда что вы хотели изменить в участи казненного злодея? Наши воины предали его очистительному Божьему огню. Лучшего он не заслуживал ни перед Богом, ни перед людьми. Разве я не права?

Ольгица вздохнула, но промолчала.

– Кстати, где находится этот их Горный монастырь?

– Он не деревянный, сжечь его будет значительно сложнее, – ответила Ольгица, избегая прямого ответа.

– Вот видите, поручик Кржижевский, – улыбнулась графиня. – Оказывается, сжечь Горный монастырь будет непросто, но ведь попробовать все-таки стоит. В нем тоже что-то способно гореть.

20

Проснувшись утром, Сирко первым делом обратил внимание на площадь перед постоялым двором. Там происходило нечто необычное: собралась толпа, появились конные стражники, из переулка вышла целая гурьба монахов, вслед за которыми потянулись калеки, юродивые и просто нищие.

– Что там творится, сотник? – спросил он. Однако из соседней комнатки, в которой должен был находиться Гуран, никто не ответил.

Полковник окликнул его еще раз, заглянул в опочивальню: Гурана не было.

«Очевидно, уже на площади», – решил Сирко, снова возвращаясь к окну. Только теперь, всмотревшись в туманную серость влажного варшавского утра, полковник разглядел, что посреди площади сооружен небольшой помост.

«Без виселицы, – отметил про себя Сирко. – Значит, под мечом или секирой... Хотя бы здесь дали отдохнуть от мечей, секир и крови!»

Через полчаса, когда Сирко уже оделся, привел себя в порядок и собрался спуститься вниз, чтобы перекусить в трактире, в комнату неожиданно заглянул хозяин постоялого двора армянин Изаарян. Во французской купеческой миссии, куда казаки обратились сразу же по прибытии, им посоветовали остановиться именно в этом, заселенном армянами, квартале, где были армянские торговые лавки, мастерские и два постоянных двора.

Тот, в котором остановились они с Хмельницким, явно был рассчитан на шляхту, богатых купцов и офицеров. Так что условия казаков вполне устраивали.

Пан ясно-очень-вельможный, полковник Хмельницкий ждет вас в трактире, – улыбнулся Изаарян. Невысокого роста, полнолицый, с густой копной черных волос, которые и в пятьдесят лет все еще не покрыл осенний туман седины, он казался воплощением здоровья и умиротворенности. – Время у вас, ясно-очень-вельможный, еще есть. Лучше посидеть за кружкой хорошего пива, чем смотреть на то, что будет происходить на площади, – кивнул он в сторону окна, у которого и застал Сирко.

– Кого это поляки на сей раз?

– Украинца, конечно. То ли разбойник, то ли бунтовщик – кто скажет правду? Говорят, схвачен был польскими драгунами после долгого боя. Все погибли, одного его взяли. Не поленились, до Варшавы довели.

– Вот оно что. Кто бы это мог быть? Имени его, прозвища не слышал?

– Слышал, но... Фамилия такая, украинская. По правде сказать, я и свои, армянские, не всегда запоминаю. А вы что, тоже хотите пойти на площадь?

– Надо пойти, если действительно казнят казака.

– Это произойдет часа через два, когда солнце поднимется достаточно высоко и соберется побольше народа. Почему, чтобы казнить, надо народ собирать? Они думают, что, увидев казнь, народ от страха добрее станет? Но от страха народ только звереет.

– Так здесь у вас что – площадь для казни?

– Какая «площадь для казни»? Что вы говорите, пан ясно-очень-вельможный полковник? Сколько здесь живу, сколько трактир мой стоит на этом месте, никогда никого не казнили. В первый раз такое происходит. Для казней в столице сразу три площади приспособлены, однако все они далеко отсюда, в центре. На одной казнят воров и убийц, на другой – повстанцев, на третьей – провинившихся шляхтичей, которые изменили данной королю присяге. Три площади. Разве мало? А если мало, то кому? Площадь, которую вы видите, торговая. Зачем на торговой площади казнить?

– Значит, говорите, никогда раньше здесь не казнили, потому что?...

– Зачем раньше? – упредил его Изаарян. – Разве когда-нибудь раньше в моем постоялом дворе жили сразу три казачьих полковника?

– По-вашему, они устроили эту казнь специально для нас? – удивленно спросил Сирко. – Для нашего устрашения?

– Один армянин сказал бы: «Да, специально». Другой сказал бы: «Что ты, добрый человек? Так получилось». А вот Изаарян молчит. Разве Изаарян может знать, что думают те, кто устраивает подобные казни под окнами постоялого двора армянского еврея Изааряна сразу после того, как в нем поселились три казачьих полковника? Да еще и казачий сотник.

– Сотник? Да, и сотник – тоже. Но почему тогда вы говорите, что три полковника? Я думал, вы принимаете за полковника моего сотника Гурана.

– А, так, значит, пан ясно-очень-вельможный полковник пока не знает. Поздно вечером у меня поселился еще один полковник. Офицер, который сопровождал его, говорит, что он большой князь. Казачий полковник и князь. О! Никогда такого не слышал. Или князь, или казачий полковник – это да.

– Может быть, речь идет о полковнике князе Гяуре?

– Точно угадываешь: Гяур! Князь Гяур! Никогда не встречал такого имени и такого князя, но он все-таки есть.

– Как же князь Гяур оказался на вашем постоялом дворе?

– Потому что его тоже сюда направили. Только уже из канцелярии коменданта Варшавы.

– Но почему он в Варшаве? Неужели и его пригласили к канцлеру?

– О канцлере не знаю. О себе знаю. Почему всех троих сюда, к Изааряну, направили? Как думаешь?

– Потому что у Изааряна остановился полковник Хмельницкий.

– Правильно. Вот он и ждет тебя внизу, в трактире... – не стал дальше уточнять Изаарян. – А князь Гяур поселился в том, правом крыле. Его слуга уже ускакал с поручением – разыскивает одну известную в городе француженку, мадам Оранж, которой Гяур должен передать письмо. Но если у него есть письмо к этой даме – все дальнейшие дни его в Варшаве пройдут, как сон юности, можете поверить старому армянскому еврею.

– Неужели он примчался из далекого Каменца только ради свидания с дамой? – Однако никто об этом не догадывается. Все считают, что это он по службе, – хитровато улыбнулся Изаарян. – Пока что юный полковник выпил кварту хорошего вина, приняв ее из рук лучшей моей служанки, и приказал не будить.

– Счастливый он человек. Но я уверен, что настоящая дама его сердца осталась в Каменце. Что-то здесь не то, господин Изаарян, что-то не сходится.

21

В город Кафу¹⁰ Карадаг-бей прибыл под вечер. Смертельно уставший, запыленный, он въехал в ворота дворца коменданта крепости и, приказав появившемуся слуге немедленно вызвать хозяина, не раздеваясь, а лишь отстегнув саблю, забрел в бассейн, с огромным наслаждением подставляя плавающую голову под холодные, оживляющие струи небольшого фонтана.

Хотя он очень торопился в Тавриду, однако не было ни одного лимана, озерца или речки, в которые бы не окунулся. Степняки-татары из его разведывательного чамбула, привыкшие месяцами мириться с тем, что вода выдается лишь для питья и приготовления пищи, поражались почти детскому восторгу, с которым обычно сдержанный, грозный Карадаг-бей мчался к любому встречавшемуся на их пути водоему. А затем с удивлением наблюдали, как, погрузив лицо в воду, этот воин преодолевал большие расстояния и долго обходился без воздуха.

Точно так же сам Карадаг-бей поражался тому, что татары, живущие даже на берегах моря или перекопских лиманов, относятся к ним с совершеннейшим безразличием. Если в селе и были лодки, то хозяевами их оказывались местные турки или омусульманенные славяне.

Он никогда не слышал, чтобы кто-либо из татарских юношей мечтал стать мореплавателем. А все его намеки на то, что пора создать свой, крымский, флот и напомнить миру, что Таврический Татарстан – могучая морская держава, хан встречал благодушной ухмылкой: «Нельзя одновременно сидеть в лодке и в седле. Татарин, истинный татарин, – добавлял он, окидывая начальника охраны насмешливо-подозрительным взглядом, – рождается в седле и умирает в седле. Наши предки появились в этих краях не с моря».

Это упрямство хана оставалось для Карадаг-бея загадкой. Но все же он не терял надежды уговорить правителя создать татарский флот, а его, Карадаг-бея, назначить командующим.

Замечтавшись, он не сразу заметил появление Гадаяр-Керима. Увидев в бассейне громадного воина в европейском мундире, развалившегося на мокрых камнях под фонтаном и с блаженством подставлявшего рот под жиденькие родниковые струи, комендант крепости опешил.

Оглянувшись на слугу: «Кто это?!» – возопил его разъяренный взгляд.

– Это... он, – только и смог вымолвить слуга, дрожащей рукой показывая на великана с явно нетюркской внешностью. – Он приказал позвать вас.

– Что тебя так взволновало, Гадаяр-Керим? – насмешливо спросил Карадаг-бей, – блаженно разбросав руки по позеленевшим камням. – Не узнаешь начальника охраны Ислам-Гирея?

– Так это вы, почтенный Карадаг-бей?! Как вы там оказались? Вы только что прибыли? Я знаю, хан ждал вашего возвращения.

– Весь Крым ждал моего возвращения, – бравируя, произнес Карадаг-бей. Коменданту был хорошо знаком этот самоуверенный, вызывающе насмешливый тон. Любую шутку Карадаг-бей произносил так, словно зачитывал мудрейшую суру Корана. Или приговор. Самое сложное в разговоре с ним как раз и заключалось в том, чтобы понять, когда он шутит, а когда говорит всерьез. Не забывая при этом, что шутка Карадаг-бея – это шутка повелителя. – Или, может быть, в Кафе мне уже не рады? Нет, ты говори, говори, Гадаяр-Керим.

– Сегодня же город узнает, что вы почтили его своим возвращением из далекого Ляхистана.

Карадаг-бей медленно поднялся и, тяжело ступая в своем разбухшем мундире и сапогах, не спеша вышел из бассейна. Еще через несколько минут он уже лежал раздетым, на ковре,

¹⁰ Татарское название города Феодосии.

расстеленном в жиденькой тени небольшой сосны, и яркий китайский халат вбирал последние капли влаги с его могучего тела.

Я очень спешил в Бахчисарай, но мне сказали, что хан отбыл в Кафу. Это сообщение прибавило еще два дня пути к тем многим дням, которые уже отняла у меня проклятая гонка по чужим землям.

– У вас какое-то срочное донесение? – поинтересовался комендант, присаживаясь на краешек ковра.

Шербет ¹¹, который принесли в больших кувшинах из глубоких дворцовых подвалов, был умиротворяюще прохладным и сладким, и склонял к неспешности разговора. Однако комендант чувствовал, что в гостях Карадаг-бей не задержится, а у него возникло несколько просьб к этому приближенному хана, высказывать которые самому Ислам-Гирею он, конечно, не решился бы.

– Это у хана, как я полагаю, есть несколько срочных вопросов ко мне, – вальяжно объяснил тем временем Карадаг-бей. Комендант счел ответ слишком смелым, но что поделаешь: если начальник личной охраны и советник хана позволяет себе столь уверенно демонстрировать независимость от повелителя, значит, хан окончательно смирился с этим. Очевидно, у Ислам-Гирея слишком много врагов, чтобы, теряя одного из лучших своих друзей и советников, одновременно наживать целую уйму новых недругов. – Кстати, где он сейчас – я имею в виду хана?

– В городе об этом знаю только я, – уведомил комендант начальника личной охраны хана.

Карадаг-бей воинственно оскалил пожелтевшие конские зубы:

– Хотите сказать, дорогой Гадаяр-Керим, что вам не велено сообщать кому бы то ни было, что Ислам-Гирей снова удалился в предгорье Кара-Дага?

– Не велено, – мрачно подтвердил комендант после небольшого колебания: следует ли признавать, что начальник личной охраны повелителя прав.

– ... Чтобы там, разбив шатер на берегу Коктебельского залива, мрачно созерцать пепельные вершины окрестных гор и застывшую вечность вулкана с открывающимся ему божественным ликом, высеченным на склоне самим Аллахом?

– Мне неизвестно, каким помыслом предается там могущественный правитель Крыма, когда...

– О, нет-нет, – иронично упредил его гость, – ни в коем случае не вздумайте раскрывать мне сию тайну, досточтимый Гадаяр-Керим, давно ставшую величайшей из тайн Крымского ханства.

¹¹ Фруктовый напиток, изготавливаемый на Востоке.

22

Появился управитель замка и сообщил хозяину, что воины из чамбула Карадаг-бея и их кони накормлены и сейчас отдыхают. Однако ни хозяин, ни его гость никак не отреагировали на это сообщение.

– Вы намерены оставаться в городе день, два, три? – поинтересовался комендант у Карадаг-бея.

– Через час выступаем. К вечеру я должен прибыть в ставку хана. Было бы неблагоразумно не появиться там, предаваясь безделью в Кафе.

– Но и представлять пред его очами – тоже не очень-то благоразумно, – недовольно проворчал комендант, словно бы ощущал собственную вину за то, что Карадаг-бей сумел определить, где именно скрывается от мира и от самого себя их правитель. – Пребывая в Коктебеле, хан обычно предпочитает одиночество.

Карадаг-бей поднялся, прошелся по двору и, повелев своему оруженосцу: «Мундир мне!», подошел к Гадаяр-Кериму. Тот, с опаской поглядывая на гостя, тоже поднялся, однако сделал это медленно, воровато, словно ожидал, что Карадаг-бей вот-вот начнет избивать его.

– Ты так ничего и не понял, комендант. Я и есть то самое «одиночество» хана. Его глубочайшее «одиночество».

– Вы предпочитаете говорить загадками, уважаемый Карадаг-бей. Мне не понять их. Я – всего ли воин, пусть и наделенный какой-то там призрачной властью. И потом, Кафа находится столь далеко от столицы, что любая тайна, рожденная во дворце хана, доходит сюда обросшей сплетнями. Возможно, в том, что хан находится сейчас в Карадаге, для вас, Карадаг-бея, есть особый символ, знак Аллаха, возможно... – едва заметно поклонился Гадаяр-Керим, – но я по-прежнему чувствую себя хранителем его уединенности.

Ответом Карадаг-бея была все та же самоуверенная, нагловатая ухмылка, которая настолько успела надоесть Гадаяр-Кериму, что в следующий раз он предпочел бы увидеть ее на лице Карадаг-бея разве что под секирой палача.

К его удивлению, Карадаг-бей начал облачаться в мундир то ли австрийского, то ли польского офицера. Кто иной из придворных Ислам-Гирея осмелился бы появиться в нем в Крыму, да еще предстать перед своим повелителем? Похоже, что Карадаг-бей действительно стал «глубочайшим одиночеством хана» – независимо от того, какой глубинный смысл изволил вкладывать в это понятие он сам.

– Чем интересовался хан, будучи в Кафе?

Вопрос застал Гадаяр-Керима врасплох. Несколько секунд он непонимающе смотрел на гостя, пытаясь вникнуть в суть того, о чем его спрашивают.

– Видите ли, уважаемый Карадаг-бей, еще никто и никогда не осмеливался поинтересоваться, чем именно интересуется хан, появляясь в нашем благословенном городе.

– Где-то же он бывал, о чем-то спрашивал. Я обязан знать это. Я обязан знать все. Значительно больше, чем может предполагать о моих сведениях Ислам-Гирей, ибо такова моя служба.

«А ведь дело не только в мундире, – вдруг понял Гадаяр-Керим, только сейчас сообразив, что именно больше всего удивляет его в поведении гостя. – Он и ведет себя как неправовверный европеец. Его манера говорить, держаться, дерзить в разговоре со старшими, наконец, абсолютное неумение отвечать поклоны, без чего на Востоке вообще немислимо соблюдение обычаев, не говоря уже о придворном этикете».

– Прежде всего, Ислам-Гирей, да продлит Аллах дни его, побывал в гавани, где расспрашивал, чьи корабли стоят в ней, а также внимательно осматривал эти суда. А там как раз нахо-

дились четыре галеаса¹² и один галеон¹³ из Турции, несколько каравелл из Генуи и Венеции, галера из Египта. Могло бы показаться, что они специально собрались, чтобы Ислам-Гирей мог любоваться кораблями всего мира. К слову, до сих пор я даже не догадывался, что всемогущественнейший хан сумел проникнуться такой любовью к морю и кораблям. Чтобы татарин – и вдруг...

– Это как раз приятная весть, Гадаяр-Керим, – возбужденно прошелся по двору Карадаг-бей. – Вам не понять, насколько она важна и приятна. И то, что в гавани в это время оказалось много кораблей – тоже хорошая примета.

Комендант крепости удивленно смотрел на гостя, не понимая, что тот имеет в виду.

– Примета? Когда в гавани много кораблей – хорошая примета? – усиленно морщил он лоб.

– Но никто не способен истолковать, что именно она предвещает, – благодушно рассмеялся Карадаг-бей. – Видно, мне действительно нужно было родиться где-нибудь в Англии или Венеции, – бесстрастно согласился Карадаг-бей. – Вели слугам готовить коней.

– Уже уезжаете? – растерялся Гадаяр-Керим.

– Не могу я терять время, когда в нескольких милях отсюда решается судьба государства.

– Даже так – судьба? – выпучил глаза комендант крепости. Круглое прыщавое лицо его еще более округлилось и стало похожим на старую перезревшую тыкву. – А как она... решается?

– Об этом я и хочу узнать в ставке.

– Значит, сейчас вы – в ставку?

– Немедленно. А ты и в самом деле привыкай к европейским столам и одеждам, Гадаяр-Керим, нам это еще может пригодиться. Да и вообще, пора уже...

– Пригодится, когда повелителем Крыма станет человек, побывавший во многих европейских странах? – лукаво прищурил свои маслянистые глазки комендант, положив при этом голову-тыкву себе на плечо. – Я правильно понимаю?

– А что, при дворе хана уже появился такой человек? – жестко отчеканил Карадаг-бей, и комендант тут же испуганно подбросил плечом свою голову-тыкву. – Я спрашиваю: вы знаете человека, который стремится стать повелителем Крыма, дабы превратить его в окраину «мира неверных»?!

– Нет, я не знаю такого человека, уважаемый Карадаг-бей, – пересохшими губами пролепетал комендант.

«А ведь в эти минуты зарождается начало крупной придворной интриги, – смерил его презрительным взглядом Карадаг-бей. – Она начнется с доноса этого ублюдка, в котором будет все: и мое презрение к восточным одеждам, и неуважение к хану, и стремление взойти на крымский престол. Сколько придворных голов полетело в Бахчисарае из-за подобных доносов!».

Как только отряд покинул город, Карадаг-бей подозвал к себе одного из самых доверенных своих аскеров, ногайца Юлдаша.

– Когда я взял тебя к себе, ты, кажется, был дервишем¹⁴?

– Ты, как всегда, прав: дервишем, мой повелитель, – осклабился Юлдаш. Они оба хорошо знали, что его «дервишество» было всего лишь спасением от секиры палача, и что дервишем он стал после того, как бежал из тюрьмы. Но существа дела это не меняло.

– Возьми двоих своих людей и к вечеру вернись в Кафу. Говорят, Гадаяр-Керим неплохо подает всякому дервишу, появившемуся у ворот его дворца. В Бахчисарай придешь через

¹² Галеас – трехмачтовый корабль, как правило, военный, принимавший на борт (кроме команды) до трехсот солдат.

¹³ Галеон (галион) – тип наиболее крупного боевого корабля Турции и других стран того времени.

¹⁴ Дервиш – нищенствующий монах.

две недели. И я не удивлюсь, если привезешь весть о том, что Гадаяр-Керим ушел от нас в мир иной. Мы все, даже хан, искренне пожалеет, что его нет больше с нами.

– Понял, мой повелитель. Надеюсь, что через двенадцать дней, среди прочих, вы услышите и такую весть.

23

Хмельницкий сидел за щедро сервированным столом. Он пребывал в одиночестве и в настолько мрачном состоянии, что даже Сирко, с которым он не виделся уже почти год, приветствовал с такой холодной вежливостью, словно это он был причиной вызова его в Варшаву.

– Видел? – спросил генеральный писарь, как только Сирко уселся напротив него. – Там, на площади?...

– Уже видел.

– Это ради нас шляхта вертеп такой устроила. Почти как представление лицедеев на базарной площади. Специально для «дорогих гостей».

– Побаиваются, как бы варшавяне не заскучили без палача, злодеев и прочих героев уже давно негреческой трагедии, – поддержал его Сирко.

– Но ведь вызвали нас, наверное, не для этого.

– Ты разве тоже не знаешь, для чего именно? – удивился Сирко.

– Знал бы, возможно, и не прибыл бы.

– Ну, уж кому-кому, а тебе нельзя не прибывать сюда по первому же зову короля, канцлера или коронного гетмана, – откровенно язвил Сирко. – К тому же после недавних переговоров с канцлером и высшей шляхтой, у тебя здесь появилась слава искусного дипломата. Да и сам король щедр по отношению к тебе. Поговаривают, даже слишком щедр.

– Мало ли что поговаривают, – незло огрызнулся Хмельницкий и пристально взглянул на Сирко. – Не время слухи пережевывать, посреди Польши сидя. – Хотел добавить еще что-то, но благоразумно промолчал. Он ждал дальнейших объяснений, не желая выслушивать ни лестных слов, ни сплетен.

Полковнику Сирко нравился этот бывший чигиринский сотник. Сдержанный, обладающий чувством такта, хорошо улавливающий характер каждого, с кем ему приходилось сталкиваться, Богдан-Зиновий сразу же приковывал к себе внимание. Он вообще обладал этой редкой способностью. Поэтому и виделось Сирко, простому казаку-рубачу, в этом человеке что-то такое, что позволяло сразу же выделять его из всей массы казачьей старшины.

Атаман понимал, что мудрый, образованный человек, которого знали во многих польских родах, Хмельницкий наверняка мог бы сделать при польском дворе большую карьеру. Однако понимал и то, что душа Богданова тянулась к Украине. И не только потому, что там, под Чигирином, находилось его поместье, не только...

– Так что же тебе известно об этом нашем варшавском походе? – напомнил о себе Хмельницкий, почувствовав, что молчание слишком затянулось.

– Слышал от одного человека, что нас могут направить во Францию. В посольство. На переговоры с первым министром, кардиналом Мазарини.

– На переговоры?! – оживился Хмельницкий. – Нас? Но от имени кого – короля Польши, канцлера Оссолинского или, может, королевы?...

– Этого я пока что не знаю. Может, от своего собственного. От имени казачества.

– При дворе что, уже не доверяют своим, польским дипломатам? – не обратил Хмельницкий внимания на это странное предположение. – Я, кстати, не дипломат, а воин. Да и вообще, эта твоя байка о посольстве в Париж... – Хмельницкий не удержался, и на лице его высветилась едва заметная улыбка. Как показалось Сирко, вполне добродушная. – Такую байку даже в самом остром на язык Корсунском запорожском курене не услышишь...

– Байка байкой, но, судя по всему, французы хотят заполучить наши казачьи сабли. Вместе с головами, понятное дело. Но только потому, что вместе с головами, – Владислав IV сразу же дал согласие на наши переговоры с французами о найме казаков.

– Если все действительно так, – оживился генеральный писарь реестрового казачества, – тогда это серьезнее, чем я предполагал. Кстати, кто сообщил тебе об этом?

– Не могу сказать. Пока не могу. Но, судя по всему, человек знающий.

– Ладно, имя можешь не называть. Для меня важно, что пригласили нас именно для этого, а не по чьему-то доносу, который был бы слишком не ко времени.

– Уверен, что нам действительно предстоит поездка во Францию. Дело в том, что в жилах особы, которая сообщила мне это, течет французская кровь. Она близка к французскому послу в Варшаве графу де Брежи и даже к польской королеве. Когда она сказала, что меня ждет вызов в Варшаву, я тоже не поверил, но, как видишь, сбылось...

– Значит, речь идет о француженке... – задумчиво подытожил Хмельницкий.

– Не о француженке, полковник, о Франции, – язвительно уточнил Сирко.

* * *

Снова появился хозяин постоянного двора. Он лично наполнил вином кубки «достойных господ ясно-очень-вельможных полковников, славных настолько, что о них знают во всем крещеном мире, от горы Араратской до морей испанских». Произнеся такой тост, Изаарян, чтя традицию, первым пригубил вино и потом долго причмокивал, расхваливая его, словно собирався продать «ясно-очень-вельможным господам полковникам» все свои питейные запасы.

Слушая его, Хмельницкий кивал, поддакивал и понемногу отпивал вино, терпеливо ожидая, когда бурный фонтан славословия этого человека наконец-то иссякнет.

– Ты назвал графа де Брежи, – обратился Хмельницкий к Сирко, когда трактирщик, в конце концов, удалился. – Вчера в приемной канцлера сообщили, что к полудню меня ждет посол Франции граф де Брежи. Но я решил было, что это связано с обидой, нанесенной реестровцами кому-то из французских подданных. Их теперь на службе у короля Речи Посполитой немало.

– Возможно, разговор пойдет и об этом. Послы на то и послы, чтобы вступаться за подданных своего короля. Но попомнишь мое слово: им нужны наши сабли.

– И головы, – напомнил Хмельницкий. – Тогда сколько же им может понадобится наших сабельных голов?

– Этого я не знаю.

– Когда в 1635 году австрийский император Фердинанд II вступил в союз с Испанией, чтобы выбить французскую армию из Бельгии, он, помнится, нанял около семи тысяч казаков.

– Сотник Гуран тому свидетель, – подтвердил Сирко. – Был сформирован целый казачий корпус. Полководец Валленштайн требовал тогда от императора и короля дружественной Польши, чтобы они присылали ему именно украинских казаков, а не польских гусар.

– Собрать бы теперь всех уцелевших, что вернулись из австрийской армии. Их опыт нам очень пригодился бы.

– Чтобы использовать его, воюя уже на стороне французов?

– Зачем? Эти казаки нужны мне в Украине. Здесь они нужны мне, понимаешь, Сирко, здесь. С тобой я могу быть откровенным, – молвил он, встретившись с недоуменным взглядом Сирко. – Собрать бы несколько полков хорошо обученных казаков, да с артиллерией. И еще бы татарскую конницу.

– Которая одним видом своим, криком и жестокостью, наводит страх на польских гусар, драгун и прочих жолнеров, – охотно развил его мысль Сирко. – Вот только заполучить татар будет еще сложнее, чем собрать уцелевших воинов-казаков полководца Валленштайна.

– Украине теперь тоже нужна армия, – мрачно проговорил Хмельницкий. – Не меньше, чем Валленштайну или польскому королю Владиславу.

– Но и при армии, без легкой татарской конницы нам не обойтись. Так что, хочешь не хочешь, а придется тебе, Хмель, посылать меня в Бахчисарай.

24

В горах Крыма было немало мест, попадая в которые, Ислам-Гирей сразу же забывал о жаре и долгом пути, о выжженной степи и дворцовой суете. Оставались позади скудные пейзажи холмистого предгорья, и перед небольшой ханской кавалькадой вдруг открывался удивительный, отстраненный от всего суетного и преходящего, таинственный мир горной Тавриды.

Была одна местность, которая привлекала его – это бухта Кара-Даг с ее окрестностями. Хан обратил на нее внимание случайно, лет шесть назад, по дороге из Кафы в Карасу-Базар. Из чистого любопытства решив взглянуть, что скрывается за придорожными холмами, он был поражен пепельной серостью вулканических склонов. Он довольно долго осматривал гору, похожую на крепостной вал, не веря, что она возникла здесь сама по себе, а не насыпана жившими когда-то, еще до татар, древними племенами – настолько она действительно напоминала крепостной вал или мощную стену, подобную той, которую создали когда-то китайские императоры.

Но более всего поразил его профиль человеческого лица ¹⁵, видневшийся на склоне вулкана. Чудилось нечто демоническое в самой горе, на которой Аллаху угодно было высечь его, Ислам-Гирея, черты. Да, именно его черты. Одна из загадок влечения его к потухшему вулкану в том и заключалась, что Ислам-Гирей узнал в этом профиле самого себя.

Остаток дороги до Карасу-Базара стер из его памяти и пейзажи, и впечатления от них; казалось, что больше им не возродиться. Но он ошибся. Облики гор, окружавших Коктебельскую бухту, вновь и вновь представляли перед ним в самые неожиданные и неподходящие моменты. Они возникали, словно видения заблудившегося в пустыне странника; словно символы, отчеканенные памятью из воспоминаний далекого детства. Ислам-Гирей не мог понять, почему пейзажи Кара-Дага так поразили его. Но что было в них нечто привораживающее – это он осознавал довольно ясно.

В этот раз хан не захотел останавливаться у залива, а сразу же поднялся на невысокое плато, расположенное между Кара-Дагом и горой, вершина которой напоминала островерхий колпак и которую местные жители уважительно называли «Монах со свитой». Сейчас, вновь присмотревшись к ней, Ислам-Гирей согласился: в гребне горы действительно угадывался то ли католический монах с капюшоном на голове, за которым покорно следовала его братия, то ли какой-то вельможа с небольшой свитой.

Он сошел с коня, сел на расстеленный на краю плато ковер и, упершись руками в колени, долго всматривался в вершину Кара-Дага, в вещий профиль, в морскую синеву, на грани которой постепенно вырисовывались паруса проходящего мимо корабля.

Парусник этот появился совершенно некстати. Он снова заставил хана отвлечься от ни к чему не обязывающего бездумного созерцания, вспомнить о том, что привело его в этот раз в Кафу.

Карадаг-бей прав: пора подумать о военном флоте ханства. О настоящем большом флоте, который бы надежно перекрыл подходы к полуострову донским и запорожским казакам. Сколько раз они вторгались в пределы ханства именно с моря. Достаточно появиться двум десяткам запорожских чаек – и все окрестное побережье уже пылает. Уповать приходится лишь на сторожевые корабли турок, если только они оказываются в это время где-нибудь поблизости, между Козловом и Очаковом.

«Но сколько еще можно уповать... на корабли турок? – передернулось лицо хана в презрительной улыбке. И ему ли, Ислам-Гирею, уповать на них? Разве не эти корабли высадят

¹⁵ Из некоторых точек Коктебельской бухты этот «профиль» до сих пор виден на склоне потухшего вулкана Кара-Даг.

однажды тысяч десять азабов ¹⁶, сераскир которых поведет их на соединение с конницей султана, идущей со стороны Перекопа?

Только мысль о возможном появлении турецких кораблей с войсками наконец-то заставила Ислам-Гирея принять решение, которое вызрело в его сознании давным-давно: он действительно создаст свой флот. Он станет создавать его, ссылаясь на угрозу со стороны казаков и кавказцев. Но при этом всегда будет помнить, что только сильный флот сможет хотя бы сутки подержать вдали от берегов турецкую эскадру, давая ему возможность собрать свое войско.

– Как думаешь, это турецкий корабль? – Хан задал свой вопрос негромко, но стоявший за ним на почтительном расстоянии советник Улем мгновенно оказался рядом и, не переспрашивая, не уточняя, и даже не задумываясь над ответом, сказал:

– Нет, мой повелитель. Это флорентийская каравелла.

– Неужели у тебя такое великолепное зрение, Улем? – иронично улыбнулся хан.

– Перед вами каравелла «Сицилийская роза», которую вы, мой повелитель, видели в Кафе. Самый красивый корабль из тех, что когда-либо заходили в наши порты.

– Не назначить ли тебя флотоводцем, Улем? Разве есть в моем государстве человек, способный с такого расстояния отличить византийскую каравеллу «Сицилийская роза» от турецкого галеаса «Гнев Аллаха» или что-то в этом роде.

– Флот – давнишняя мечта Карадаг-бея, так что назначать, наверное, следует его. Чужая мечта – что чужая жена: всю жизнь придется провести между любовью и ревностью.

– Ты все-таки советуешь создать флот? – дипломатично уточнил хан.

– Мои уста слишком жалки, чтобы советовать тебе нечто подобное, мой повелитель. Зато не грешно прислушаться к совету истории. А она твердит, что многие, очень многие, правители достигли своего могущества и прославились перед потомками только потому, что вовремя сумели создать большой и сильный флот. Хотя державы их были не столь уж влиятельны. Имея флот, мы потесним казаков и овладеем Таманью. Достаточно взглянуть на карту, чтобы почувствовать, что сам Аллах дарит крымскому хану эту землю, расширяя его владения и в сторону Дона и к предгорьям Кавказа. А на Кавказе мы сумеем найти достойных союзников. Там ведь есть народы, которые тоже, как и мы, пришли с ордами монгольских ханов.

– А ты действительно далеко видишь, Улем, – хищно прищурился Ислам-Гирей, всматриваясь в едва уловимые очертания корабля. – Не глазами, а мыслями своими.

– Всего лишь пытаюсь угадать ваши мысли, повелитель, только и всего. Бесконечные набеги на сильно оскудевшие казацкие степи ни к чему не приведут. А, захватив Тамань, мы получим ключи от ворот Эль Забаша ¹⁷, чтобы потом полностью завладеть всем морем. Когда украинские казаки перестанут видеть в нас своего врага, они превратятся в наших союзников. Число подданных ваших увеличится за счет многих тысяч украинцев, берущих в жены татарок.

Чтобы владеть миром, нужно владеть подданными, способными истоптать его копытами своих коней, – согласился Ислам-Гирей.

– Монгольские ханы имели не так уж много монгольских воинов. Они составляли лишь самый надежный костяк их орд. Точно так же татарские чамбулы будут составлять всего лишь костяк крымского войска. А сам Крым нужно опоясать цепью крепостей, хорошо укрепленных замков и сторожевых башен. Особенно укрепить Перекоп и Керченский полуостров. Вся наша страна должна предстать перед миром неприступной крепостью.

Улем умолк. Хан сидел в той же позе, в которой начал разговор с советником: упершись руками в колени и нагнувшись вперед, словно усиленно пытался разглядеть контуры корабля.

– Тебе остается только стать властелином Крыма, Улем. Это входит в твои планы?

¹⁶ «Азабами» турки называли воинов специальных подразделений, которые составляли охрану судов, а также были обучены основам высадки морских десантов. То есть, по существу, эти подразделения были прообразами подразделений современной морской пехоты.

¹⁷ Эль Забаш – древнее название Азовского моря.

– Сказав «да», я разгневал бы не только вас, мой повелитель, но и Аллаха. А главное, это было бы неправдой. Иногда я действительно думаю над тем, как бы поступил, если бы мне ниспослано было овладеть троном. Но из этого не следует, что я стремлюсь овладеть им.

– Значит, это все же входит в твои планы, – задумчиво подытожил хан. При этом Улем не уловил в его голосе никакой жестокости, что сразу же насторожило его. Холодная, скрытная подозрительность хана пугала Улема куда больше, чем вспышки самого яростного гнева.

– Не входит, мой повелитель, – как можно тверже настоял на своем Улем. – Я был честен с вами.

Они не заметили, как на плато появился командир охраны, конники которой опоясали подножие возвышенности и никого к ней не подпускали.

– Карадаг-бей со своими воинами, повелитель, – доложил он, остановившись за несколько шагов от Ислам-Гирея. Он прибыл из Ляхистана и просит принять его. Хан оглянулся, но не в сторону командира охраны, а в сторону Улема. Их взгляды встретились. Улему показалось, что, услышав имя первого советника, хан вдруг почувствовал себя кем-то вроде заговорщика. «Ну вот, доболтались...» – источал его взгляд.

«Пора решать, – также бессловесно ответил Улем. – С флотом, с Карадаг-беем, с мечтой первого советника и волей хана. Решиться. И решить».

– Пропустите его, – повелел Ислам-Гирей командиру охраны.

– Повинуюсь, мой повелитель.

– Слушай, Улем, а почему этот корабль остановился напротив нас? Ведь он, кажется, должен был бы пройти мимо? Зачем понадобилась эта, почти незащищенная, бухта кораблю, который только что вышел из Кафы?

– Это я попросил капитана остановиться здесь, – ничуть не смутившись, признался Улем, – поскольку знал, что вы, повелитель, обязательно свернете сюда. Вот почему мне известны название каравеллы и страна, откуда она пришла.

– Тебя нужно или сразу же казнить, – рассмеялся хан, – или же немедленно назначить командующим флотом.

– ...А после этого – сразу же казнить, – добавил Улем.

– Что поделаешь, такова судьба всех флотоводцев.

– Она будет таковой, если мы превратим подобное назначение в традицию.

25

– Мы снова вместе, Брежи, – она сама раздевала его, все сильнее распаясь при этом, впиваясь пальцами в мускулистую грудь, в опоясанный точеными жгутами мышц живот, в мощные, достойные быть скопированными для античной статуи, ноги.

– Никто, да, никто не мог бы предположить, что этот, чуть выше среднего роста, широкоплечий, но не производивший особого впечатления сорокавосемилетний мужчина обладает таким мощным тренированным телом. Иное дело, что его мощь терялась, а возможно, умышленно скрывалась под складками расточительно широких одежд, под вальяжностью аристократа, под дипломатическим добродушием.

– Мы виделись множество раз, – взволнованно, едва владея непослушными пересохшими губами, произнес де Брежи. – Провели немало ночей. Но всякий раз мне с трудом верится, что ты еще когда-либо придешь на встречу со мной, Людовика. – Он звал Марию-Людовику Гонзагу только этой частью имени – Людовика. Как не звал ее никто другой. – И если быть честным, больше всего поражает то, что ты ни разу не воспользовалась возможностью не прийти.

– Как же можно пользоваться возможностью не видеть тебя, Брежи?

– Как-никак, ты королева, Людовика.

– Время от времени ты должен, просто обязан, забывать о моем титуле.

– О том, что ты – королева, я не позволяю себе забывать, даже лаская тебя.

– А вот в постели ты не имеешь права забывать об этом. Никогда. Не зря же я очень часто терзаюсь вопросом: «Удастся ли мне и в постели оставаться королевой, ее величеством»?

– Удастся, Людовика, удастся.

Появился слуга. Он принес дрова и щедро заполнил ими оба камина. Людовика узнала в нем того глухонемого кучера, из бывших уголовников, который привозил ее к ресторанчику Гуго. Что касается де Брежи, то он просто не обращал на него внимания, словно слуги не существовало.

За окном гроыхала весенняя гроза. Шум ливневых потоков заглушался лишь раскатами грома. Но здесь, в домашнем кабинете графа де Брежи – куда слуги, как всегда, предусмотрительно внесли узкую, совсем не королевскую постель, – за плотно зашторенным окном, было тепло и уютно.

– Вроде бы не время говорить об этом, Людовика. Но я связался с кардиналом Мазарини. Он согласился вести переговоры с казаками. Понял, что это действительно единственная воинская сила, способная реально помочь Франции.

– Пусть благодарит меня. Сам он до этого не додумался бы, – простодушно заявила королева, заставив графа де Брежи удивленно взглянуть на нее. До сих пор послу казалось, что инициатива исходит от него. Но ведь на то она и королева...

– О Марии Гонзаге в Варшаве говорили всякое. Высокородная шляхта не любила молодую королеву. Польские монахи-иезуиты ненавидели и побаивались ее. Придворные дамы завидовали красоте, сдержанности и умению невозмутимо, со стоическим терпением, воспринимать зловещую коварность высшего света.

– В столице, как и в Кракове, помнили ее настоящих и мнимых любовников. Особенно много судачили о фаворите Людовикен-Марсе, казненном за заговор против кардинала Ришелье. Не могли простить того, что она так и не переродилась в польку, а, оставаясь французкой, никогда не проявляла особых чувств к этой новой «отчизне». Не было секретом для сенаторов и то, что королева усердно помогает Анне Австрийской и кардиналу Мазарини поддерживать профранцузскую линию в политике своего супруга Владислава IV, покровительствуя при этом французской колонии в Варшаве.

О ней знали многое. Единственное, о чем не ведал пока что никто – так это о тайных посещениях королевой посла Франции – графа де Брежи. Агенты ордена иезуитов постоянно следили за особняком графа. Они всегда знали, кто, в какой день и час входил и выходил из него. Но никто из них до сих пор не обратил внимания на то, что дважды в месяц, в первое и последнее воскресенье, к дому, расположенному в двух кварталах от особняка графа, подъезжает скромная дорожная карета, из которой выходит гусарский поручик со своей девицей. В этом кабачке бывали многие офицеры, и появление еще одного поручика не могло вызвать у кого-либо особого интереса.

Правда, хозяин кабачка лично встречал только эту пару. И не заводил в зал, а прямо из коридора провожал в потайную комнатку, из которой был ход в подвал. Только он, да еще эти двое влюбленных знали, что из огромного винного подвала, пролегающего под городскими кварталами, был пробит тоннель, по которому можно легко достичь подземелья особняка графа де Брежи. Один из выходов из него оказался замаскированным под камин, находящийся в комнате рядом с кабинетом посла, который королева называла «собором распятий». Другой же выводил в закрытую часть парка.

Владелец рестораника был французом, давним знакомым графа. Девять лет назад Брежи спас его от виселицы – под видом слуги привез с собой на корабле в Варшаву и на свои деньги купил для него рестораника, за которым начиналась небольшая роща, переходящая в парк барона Зеерфольда, давнишнего приятеля посла. А уж соединить два подвала тайным ходом – особого труда не составило.

Куда исчезли потом четыре землекопа-уголовника, в течение шести месяцев подрывавшие два старинных варшавских квартала – это графа де Брежи не интересовало. Точно так же, как потом самого владельца рестораника, известного под кличкой Гуго, совершенно не интересовало, что это за поручик повадился к нему в подвал и что за дама появляется с ним, скрывая лицо под черной вуалью и низко опущенным капюшоном.

Он знал время их появления. Встречал и уводил в подземелье, не задавая никаких вопросов и не произнося ни слова. Карета, в которой приезжала пара, тоже принадлежала ему. А кучер – немой литовский татарин с обрезанными ушами и клейменым лбом, всегда ждал возвращения влюбленных, стоя во дворе, за высокой каменной оградой.

– Как много огня, Брежи... – Мария Гонзага подняла голову и величественным жестом откинула прядь густых выющихся волос.

– Но ведь это же... огонь. Его не бывает много.

– Иногда его не бывает совсем. Как часто его не бывает, Брежи. Тебе этого не понять, – она закрыла глаза и склонила голову. Руки снова легли на его мощные мускулистые ноги.

Этот мужчина действительно представлял собой тугой сноп мышц. Откуда они у графа; каким трудом, какими физическими упражнениями генерал де Брежи поддерживал свое тело в такой форме – оставалось для нее загадкой. Одно она твердо знала: никому, ни одной женщине в этом городе и в голову не могло прийти, что этот плотно скроенный, в прекрасной физической форме дворянин сумел сохранить к пятидесяти годам и свое достоинство, и высокое парение духа, и состояние тела.

Правда, при этом он умудрился так и не создать семьи. Но в данном случае Гонзага склонна была отнести это скорее к его заслугам, нежели к недостаткам. Впрочем, она, королева Польши, тайно пробиравшаяся к своему мужчине через три подземелья Варшавы, многое склонна была относить к достоинствам этого человека.

– Какое счастье, что ты не король, Брежи!

– Мое личное счастье именно в этом и заключается, – покорно согласился граф.

Брежи, «греховный мужчина королевы», как называл его поручик Кржижевский, стал особым пристанищем Марии-Людовики Гонзаги, последним пристанищем в этой стране, кото-

рым она дорожила настолько, что не могла, не имела права ни рисковать им, ни разочаровываться.

– Ты права, Людовика. Мое тело – не в пример мне, стареющему, чинному послу.

Пока пламя двух каминов, словно пламя костров, озаряло измученные тела – в разные века, разными народами и всяк на свой лад распятых Иисусов. Сами распятые, искупая грехи рода человеческого, молчаливо взирали на сладострастную игру истосковавшейся по мужской силе владычицы. И стонали вместе с ней и томились от сознания того, как коротки минуты земного блаженства.

26

– Вот что такое верный слуга, – проговорил хан, все еще не отрывая взгляда от каравеллы «Сицилийская роза». – На краю земли не поленился найти своего повелителя, чтобы, не теряя ни минуты, доложить... Кстати, что ты стремился сообщить мне, Карадаг-бей?

– Я вернулся из казачьих земель, мой повелитель, – Карадаг-бей мельком взглянул на Улема. Ему очень не хотелось, чтобы тот присутствовал при его разговоре с ханом. Вообще не хотелось, чтобы тот когда-либо и где-либо присутствовал. Если бы Улем вдруг исчез из ханской свиты – для Карадаг-бея это было бы подарком судьбы.

Хан по-бычьи нагнул голову и взглянул на первого советника из-за плеча, словно молодой воин из-за щита.

– Тебе приказано говорить.

– Я сумел встретиться с ним... Однако подробности мне хотелось бы поведать вам наедине.

– Итак, ты встретился с князем Одар-Гяуром, – сказал хан, давая понять, что условия, которые он выдвигает, его совершенно не интересуют.

Улем тоже не двинулся с места. Только лицо его еще более ожесточилось и приобрело такой же пепельный цвет, как склон потухшего вулкана.

– Князь согласен с вашими условиями. Мало того, он обещает помнить о вашей милости. Так что мы получаем надежного союзника.

– Ты уверен в этом?

– У меня нет оснований не верить ему, повелитель, – склонил голову Карадаг-бей. – Князь – давнишний наемник. Уже несколько лет он воюет под флагом то одного правителя, то другого. Польский король значит для него не больше, чем австрийский император или персидский шах.

– Или крымский хан, – едва слышно проговорил Улем, с насмешкой взглянув на первого советника, которого уже не считал первым.

– Интересы Польши – для него тоже ничто, – Карадаг-бей хорошо расслышал сказанное Улемом, но считал унижительным замечать его змеиное шипение. – Он воюет за деньги. А наши деньги он уже получил. И еще получит, если окажется достаточно полезным для нас. Кроме того, поляки – враги украинцев. А с казаками князь успел найти общий язык довольно быстро.

– Правильно говоришь, – бесстрастно согласился хан.

Он всегда ценил холодную расчетливость своего первого советника, его убийственную логику, благодаря которой удавалось прояснять многие события из тех, что, не будь рядом Карадаг-бея, так и остались бы для Ислам-Гирея безнадежной загадкой.

– А не приходилось ли тебе встречать в степях Ляхистана следы Бохадур-бея? – вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Карадаг-бей вздрогнул. Лицо его вытянулось. Он невольно оглянулся на Улема, словно заподозрил, что имя степного грабителя возникло по его упорному наущению.

– Приходилось, мой повелитель, – он обязан был ответить более пространно. Однако умолк, выигрывая время, нужное ему для того, чтобы продумать ответ, а главное, попытаться понять, что хану уже известно о Бохадур-бее и почему он столь внезапно заинтересовался судьбой этого, теперь уже дохлого, шакала.

Карадаг-бей даже не мог припомнить сейчас, возникало ли когда-либо в устах хана его имя. Нет, кажется, все-таки упоминал. Перед его, Карадаг-бея, отъездом в Речь Посполитую.

– Он все еще мнит себя ханом Буджацкой степи? Ему все еще хочется быть правителем ханства, раскинувшегося между Перекопом, Днестром и Кодымой?

– Он больше не мнит себя ханом, мой повелитель. Он погиб.

– Уже? Это была случайная смерть в какой-то из стычек? – спокойно поинтересовался Ислам-Гирей.

Корабль постепенно превращался в белую точку на голубовато-розовом горизонте, и хан потерял к нему всякий интерес. Зато ему вновь открылся вещий профиль на склоне вулкана.

– Бохадур-бей пал в схватке с отрядом Гяура. Князь настиг его после одного из нападений на украинское местечко, уж не припомню, какое именно.

– Проклятый Гяур. За одно только это его стоило бы четвертовать. Кто теперь возглавил шайку?

– Ее больше нет. Часть несостоявшейся орды погибла, часть разбежалась. Остальные, во главе с помощником Бохадур-бея Мамлюком, перешли к Гяуру и теперь служат в его полку.

– Служат в полку Гяура?! Странно. Хотя... они нам еще могут понадобиться.

– Сам Бохадур-бей всегда враждебно относился к крымскому престолу. Он ненавидел и боялся нас.

– Ненавидел и боялся бы до тех пор, пока не почувствовал бы силу. Как только ему удалось бы создать собственное войско, сразу же стал бы нашим союзником. Беспрерывно ослабляя польскую армию и казачьи станы между Бугом и Днестром, он со временем помог бы нам овладеть всей Украиной, а Запорожье превратить в вассальное княжество, с помощью которого мы подчинили бы себе буджацкую и ногайскую орды.

– Восстановив таким образом могущество Золотой Орды, – решил Карадаг-бей перехватить не столько мысль хана, сколько инициативу в этом разговоре. Он ощущал, как, наслаждаясь их словесным поединком, Улем в душе злорадствует.

– Поскольку эти три орды образовались после распада Золотой, почему бы, соединив их, действительно не постараться возродить былое могущество? Только назвать при этом Крымской или Таврической ордой, – задумчиво произнес хан. – Почему мы всю жизнь должны оглядываться на своего великого южного соседа? – Карадаг-бей понимал, что под «великим южным соседом» хан подразумевает Турцию, и что по поводу этого соседа он мог бы выразиться значительно резче. – Пора самим становиться «великим южным соседом» для двух других орд и Запорожской Сечи.

– В таком случае можно подыскать человека, способного заменить Бохадур-бея. И не только заменить, но и заставить действовать более решительно, не побаиваясь нас, а опираясь на нашу поддержку.

Хан снова оглянулся на Карадаг-бея, и тому показалось, что на сей раз он взглянул на него с уважением, тем уважением, к которому первый советник привык за время своего служения Ислам-Гирею и которого удостоивался после каждого мудрого совета.

– Как думаешь, Улем, сможем мы подыскать такого человека? – неожиданно прибег Ислам-Гирей к совету его давнишнего недруга.

– Он уже есть, мой повелитель. Человек, знающий украинскую степь, имеющий друзей среди поляков и казачьих полковников, владеющий языком Ляхистана...

– Почему же ты раньше не осчастливил нас своим советом, Улем? – ухмыльнулся Ислам-Гирей. – Мы давно могли бы продать Бохадур-бея на самую захудалую турецкую галеру, а вместо него провозгласить ханом украинских степей человека, чье имя ты так и не произнес.

Карадаг-бей закрыл глаза, пытаясь погасить в себе вспышку гнева и ненависти – и к хану, и к Улему. Что произошло за то время, которое он потратил, гоняясь по украинским степям за отрядом Гяура? Как Улем сумел заползти, словно облезлая старая змея, на колени к хану? Вот что значит отстраняться от жизни ханского двора! Хотя бы на неделю отстраняться от него!

– Улем всего лишь сказал то, что очевидно, – молвил он, все еще не открывая глаз и почти не расцепляя сжатые в ненависти зубы. – Этим человеком должен стать я. О чем и хотел просить вас, мой повелитель.

– Вот и прекрасно, Карадаг-бей. Корабль – дело призрачное. Появился – и сразу же исчез на горизонте. Какой от него прок? Мы «приплыли» сюда в седлах, разве не так?

– Это великая истина, мой повелитель.

– Теперь уже не повелитель, – оскалился хан. – С момента, когда ты уведешь сотню всадников и объявишь себя ханом буджацких степей, ты станешь моим врагом. Думаю, тебе нетрудно будет справиться с этой ролью, а, Карадаг-бей?

– Пусть неверные считают меня вашим врагом, мой повелитель. Только бы сбылось задуманное вами.

– Но при этом всегда должен помнить, как я обхожусь с людьми, которые решили видеть во мне врага.

– Я буду помнить. Мне это известно лучше, чем кому бы то ни было, – наконец полностью овладел собой Карадаг-бей. В эти минуты он чувствовал себя так, как может чувствовать себя лишь человек, которого помиловали буквально под секирой палача. – Для того, чтобы отобрать сотню всадников и тронуться в путь, мне понадобится не более десяти дней.

– Эти десять дней твои, Карадаг-бей, – великодушно осчастливил его хан. – Они действительно твои, – добавил Ислам-Гирей, думая уже о чем-то своем, далеко от всего того, о чем только что говорил с бывшим первым советником.

Они допивали вино и несколько минут молча ели, посматривая в окно. На площадь все прибывал и прибывал народ... Отсюда помост, с плахой посредине, был им не виден, но казаки догадывались, что обреченного еще не привезли. Не сговариваясь, они оба решили присутствовать на казни.

Если казнить собираются вожака восставших казаков – они просто обязаны быть там. Быть и открыться обреченному. Голос земляка, родное слово, вырвавшееся из толпы враждебных чужеземцев... Это ведь – как последний глоток казачьей свободы, глоток самой жизни.

– Исходя из описаний и рассказов, – продолжал начатую в трактире беседу Хмельницкий, – из того, что самому пришлось видеть, воюя в составе и польского, и казачьего войск, я понял: придерживаясь старой тактики наших старшин, атаманов и гетманов, нам никогда не победить польской армии. Сколько ни возникало у нас крестьянских повстанческих ватаг, в каждой из них хорошо обученные, обстрелянные казаки составляли лишь небольшое ядро.

– Остальные тысячи восставших, – согласился Сирко, – вчерашние селяне да мещанский люд; плохо вооруженные, необученные, не приученные к строю, к передвижению на поле боя испанским или шведским способом.

– То-то и оно. Завидев эту массу, какой бы большой она ни была, поляки сразу же обстреливают ее из орудий, а затем бросают в бой закованную в сталь тяжелую конницу – густой мощной лавиной, которая буквально разносит в клочья повстанческую пехоту. А вслед за ней движутся легкая кавалерия и пехота, у которых только и работы, что добивать разрозненные группы, преследуя их многие версты. И все. Дальше, как заведено: колья, плахи, виселицы...

– Но спасение от тяжелой кавалерии есть. Это окопы, лагеря – с повозками, насыпями, шанцами и редутами.

– Вот-вот, именно так мы всегда и воевали. Нас загоняли в эти лагеря, чтобы потом неспешно расстреливать из орудий, которыми немцы – а пушкарями у поляков в основном германцы – разносили наши лагеря, выбивая добрую половину их защитников. Или, в крайнем случае, осаждали их так, что не оставалось ничего другого, как выдавать своих вожаков, чтобы тем самым спасти жизни многим тысячам повстанцев. И снова на поклон к ляхам.

– На поклон, позор и казни, как эта, – кивнул Сирко в сторону площади.

– И еще... наше казачество всегда славилось сильной, возможно, лучшей, храбрейшей пехотой в мире. И на море мы тоже редко уступаем турецким эскадрам.

– Но у нас никогда не было хорошо обученной конницы, – уловил ход его мысли Сирко.

– Так уж повелось, что никогда. Я сам лишь недавно открыл это для себя. Потому и говорю: если бы нам удалось объединить казачью пехоту с легкой конницей Ислам-Гирея...

– Или хотя бы не видеть эту конницу на флангах тяжелой кавалерии поляков, – согласился Сирко. – Если уж не союзники, то, по крайней мере, не враги. Мир с Ислам-Гиреем и перекопским наместником, мурзой Тугай-беем нам нужен, как благословение Божье – тут ты прав. Но теперь говори, что надумал. Что и когда? Если уж ты считаешь, что со мной можно говорить откровенно.

– Что именно я надумал – ты уже и так прекрасно понял. Когда? На этот вопрос ответить не могу. Ибо даже Господу это пока что неизвестно. Но готовиться нужно.

– Причем готовиться серьезно. Иначе еще одно такое восстание, какое подняли Павлюк и Остряница, и три последующих поколения разуверятся в возможности хоть когда-нибудь увидеть Украину государством, которое будет иметь свою власть, свои законы и церковь.

– С такими мыслями я и пойду сегодня на прием к послу Людовика XIV в Варшаве, – молвил Хмельницкий. – И не уверен, что поддержу его просьбу о найме казаков. Лучшие сабли Украины нужны сейчас здесь.

28

Мария-Людовика приподнялась на руках, потерлась лбом о грудь де Брежи и, повернувшись на спину, дотянулась до стоявшего на ночном столике бокала с вином. Темно-красное, освещаемое пламенем камина, оно источало багровый отблеск крови. Ноги королевы лежали теперь на прикроватном стульчике, почти над огнем, словно собиралась взойти на него, как только остынет пламя ее сладострастного греха.

– Настанет рассвет, слуги уберут постель, погаснут камин, и ты снова останешься наедине со своими распятиями, де Брежи.

– До следующего визита Людовики.

Гулко, словно взорвалось все нависшее над Варшавой поднебесье, прогрехотал гром. Они оба притихли. Молния прорезала мрак ночи, пробилась сквозь плотные занавеси окна и фиолетовым отражением прошла по ликам и крестам.

– Не знаю, сможешь ли ты сама оставаться в Варшаве после того, как твой король уйдет вслед за предками. После беседы с лекарем Владислава IV я все чаще думаю об этом.

– Одна, без короля, я вряд ли смогу оставаться здесь, – дрожащим голосом проговорила княгиня де Невер. – Мне нужен король. Я так мечтала стать королевой! Франции, Нидерландов, да хотя бы Валахии. Скажи, разве я не рождена для того, чтобы обладать короной?

– Именно для этого Господь и создавал тебя, Людовика. – Он приподнялся и нежно провел рукой по ее бедру. Одну из заповедей своих тайных ночей – не говорить о делах и политике – они уже нарушили. Теперь ему страшно – даже сейчас, когда уже чувствовал себя истощенным, – хотелось нарушить еще одну.

Де Брежи страшно было признаваться себе, но за те несколько месяцев, что они встречаются здесь, между распятиями, он так ни разу и не овладел королевой, так и не познал ее.

Иногда он пугался дичайшей мысли, которая время от времени посещала его: вдруг Людовика, эта прекрасная женщина, все еще девственница? Каждый раз, когда ему приходило это на ум, он нервно хохотал. Не стесняясь того, что грубый мужицкий хохот может осквернить его чувство к этой женщине. «Последней женщине, которую я люблю» – как жертвенно определил он для себя то, что значила для него теперь Мария-Людовика Гонзага, княгиня де Невер.

– Людовика... – он попытался уложить ее в постель. – Ты прекрасна...

– Я всего лишь королева, Брежи. – свела она на нет все его усердие. – Но поскольку я все же королева, мое тело может принадлежать лишь королю. Ты даже не представляешь себе, как это важно для меня! Скоро мне понадобится король, Брежи. Если они прогонят меня из Варшавы, а они попытаются сделать это, потому что ненавидят и своего короля Владислава, и меня, власть в стране полностью перейдет в руки иезуитов. Франция получит еще одного мощного врага, который немедленно присоединится к германцам.

– В Париже понимают это, – задумчиво сказал граф, снова ложась.

Королева ждала, что он продолжит свой ответ. Но как его продолжишь, не зная, чем утешить... королеву?

– Они – эта потерявшая страх и стыд, зараженная иезуитством придворная шляхта, – неминуемо изгонят меня. Нас обоих, де Брежи.

– И в Париже это тоже понимают. Но, чтобы окончательно закрепиться в Польше, тебе нужен... король. К тому же у нас еще есть года полтора. Во всяком случае, так считает лекарь.

– Сделай что-нибудь, де Брежи, – Мария-Людовика сошла с кровати и приблизилась к камину. Она остановилась чуть в стороне от него, и огонь тускло освещал линии ног, изгибы живота, грудь, вновь распаляя в теле де Брежи уже основательно погасшую было страсть. Ты можешь это, Брежи. Это можешь только ты. Нужно подыскать кого-то из династии польского

королевского рода: хоть старца, хоть младенца. Ведь правит же в Париже эта стерва Анна Австрийская! Удержалась-таки при младовозрастном Людовике XIV.

– При сыне, – безжалостно уточнил де Брежи. – Причем при сыне короля, имеющем все права наследования трона. Даст Господь, он и сам скоро взойдет на него, как полновластный правитель. Нельзя не учитывать таких нюансов, королева Мария-Людовика. В политике – нельзя. Пока что нужно подумать, как приблизить ко двору кого-либо из польских военачальников. Нам нужна надежная опора.

– Особенно из тех полководцев, которые способны поднять и привести в Варшаву казаков, – поддержала его идею Мария-Людовика. – Казаков много, они опытные воины, да к тому же никогда не ощущали жалости к солдатам короля.

– Назови его. Полковник Хмельницкий?

– Это имя мог назвать и любой другой, к кому бы я обратилась за советом, – мягко упрекнула его Мария-Людовика. – От тебя, де Брежи, требовалось большего.

– От меня требовалось назвать имя полководца, способного отречься от интересов Польши и в нужное время привести казаков? Но при этом считающегося в Варшаве «своим», заслуживающим доверия. И если другие советники готовы назвать это же имя, значит, Хмельницкий – действительно тот человек, который нам нужен. Другое дело, что ты хотела бы видеть при себе, ну, скажем, князя Одара-Гяура.

– Разве мне это непозволительно? – не стала юлить и оправдываться Мария-Людовика.

– Красивой женщине Марии-Людовике позволительно, но лишь как женщине. А королеве-француженке, которая вот-вот станет вдовой в чужой стране, где ее так и не восприняли как блюстительницу святости отечественного престола, – нет. Решительно нет!

Мария-Людовика грустно вздохнула и пошла к креслу, на котором покоилось скромное одеяние королевы-блудницы.

– Только поэтому ты и не хотел называть имя Гяура?

– Если бы признался, что из ревности, – опять услышал бы, что от посла графа де Брежи ты ожидала большего.

– Будь оно все проклято, Брежи. Мне иногда кажется, что можно быть или королевой, или женщиной. Соединять в себе эти две ипостаси совершенно невозможно.

– А может, все-таки стоит научиться соединять их? Мария Гонзага почти в отчаянии покачала головой.

– Странно. Мне-то всегда казалось, что эти две ипостаси неотъемлемы. А когда в моей жизни появилась ты, моя королева, – я окончательно убедился в этом. Тебе даже трудно представить себе, сколько раз я мысленно видел нас обоих на бульваре Кур-ля-Рен¹⁸.

– Господи, какой же вы неисправимый фантазер, граф.

¹⁸ В описываемое время парижский бульвар Кур-ля-Рен, созданный в 1616 году по воле королевы-регентши Марии Медичи, был местом прогулок великосветского общества, символом красивой, праздной жизни.

29

Уже более часа в приемной советника коронного канцлера Речи Посполитой нервно прохаживался тридцатилетний господин в мундире офицера польской пехоты.

Время от времени он останавливался напротив навечно застывшей в углу древней статуи рыцаря в заметно потускневших доспехах и подолгу рассматривал ее, заложив руку за борт кителя и размеренно покачиваясь на носках до блеска начищенных сапог.

Даже когда дверь распахнулась и наконец-то появился секретарь – полнолицый, с нездоровым румянцем на щеках, пехотный майор продолжал стоять спиной к нему, оценивающе рассматривая рыцаря, словно собирался вызвать на дуэль, но задумался: не унизительно ли связываться с ним?

– Простите, имею честь видеть майора Корецкого? – вежливо осведомился секретарь.

– С вашего позволения, – с вызовом ответил офицер, крайне неохотно поворачиваясь лицом к секретарю.

– Военный советник польского посла в Париже?

– Совершенно верно. И очень тороплюсь. Если меня вызвал к себе, как было сказано ранее, канцлер, господин Оссолинский, тогда почему я теряю время в приемной его советника? Мне пора уезжать в Гданьск. Через три дня уходит мой корабль.

– Все это господину советнику известно, – довольно равнодушно заметил секретарь, хотя и выслушал Корецкого с надлежащим почтением. – Но замечу: произошло недоразумение. Вас вызывал не канцлер, – все с той же лакейской мстительностью ухмыльнулся он.

– Кто же тогда мог вызвать меня?

Тайный советник господин Вуйцеховский. Вы находитесь в его приемной, и он готов выслушать вас.

– И чей же это тайный советник? Его величества? – уже более умиротворенно спросил Корецкий.

– Было ведь сказано: «тайный», – внушающе вознес к небу свой указующий перст секретарь. – Тайные потому и тайные, что являются таковыми даже для королей. Итак, господин советник, готов выслушать вас.

– Выслушать? – повертел головой Корецкий, заливаясь при этом багровой краской гнева. – С какой стати?! Разве я просил его об аудиенции?

– Тем не менее господин тайный советник ждет вас, – властно напомнил майору секретарь, давая понять, что секретарь тайного советника – тоже человек не случайный.

Еще несколько секунд Корецкий горделиво стоял, все так же заложив правую руку за борт кителя, потом оглянулся на статую рыцаря и лишь после этого, воинственно опустив голову, набывшись, четким шагом прошествовал мимо секретаря.

Миновав еще одну приемную, Корецкий попал в довольно просторный кабинет, посреди которого стоял человек предельно маленького, почти карликового роста, одетый во все черное, включая черный шелковый шарф, таинственно окутывающий его шею.

Появление майора не вызвало у него абсолютно никакого интереса. Словно и не заметил его. Опираясь руками о непомерно широкий, хотя и предусмотрительно низкий стол, тайный советник внимательно рассматривал карту, словно пытался разгадать очередной замысел вторгнувшегося в пределы Речи Посполитой коварного врага. Он и рассматривал эту карту с видом полководца, который не сомневается в том, что в конце концов война все же будет выиграна.

Прошла минута, вторая... Майор прокашлялся, побряхтел, переминаясь с ноги на ногу, снова прокашлялся, осторожно напоминая о себе. Конечно, он привык напоминать иначе, но

секретарь свое дело сделал. Магия слова «тайный» срабатывала безотказно. Тем более что он знал, как именно следует внушать ее посетителям.

Слушаю вас, господин Корецкий, слушаю, – нетерпеливо подбодрил майора Вуйцеховский басистым, нагловатым голосом, не отрываясь при этом от карты. Он истолковал ситуацию так, словно молчание это нависло из-за робости Корецкого.

– Позвольте, господин советник, это я... был приглашен, – вовремя спохватился майор, чтобы не заявить: «...готов выслушать вас». Однако не заявил, как-то мгновенно избавился от своих непомерных и всегда таких же несвоевременных амбиций, которые извечно мешали ему – и в армии, и в светском обществе, и при дворе. Вот именно, мешали – майор и сам признавал это.

– Вы абсолютно правы, господин Корецкий. Это я... вызвал вас, – подтвердил тайный советник, и, скрестив руки на груди, долго осматривал офицера точно таким же взглядом, каким еще несколько минут назад тот осматривал бессловесную статую воина в приемной. – Вам нравится ваша служба, господин Корецкий?

– Служба?

– Не военная, естественно. Ваша служба во Франции. Теплая, денежная служба при после Польши в прекрасном Париже? – унизительно подчеркнул Вуйцеховский. – Без походов, звона клинков, крови, грязи. Без риска погибнуть где-нибудь в болотах Мазовии или в дикой степи между Днестром и Бугом. То есть я хотел спросить, мечтаете ли вы о том, чтобы и впредь время от времени вояжировать из Гданьска в Кале – это, если морем; или из Варшавы, через Прагу и Дрезден, да прямо в Париж?

– Простите, ясновельможный, я не совсем понимаю...

– Чего вы не понимаете? Что здесь так трудно поддается пониманию? – искренне удивлялся карлик-советник. – Что здесь вообще понимать?

– Извините, – пропыхтел Корецкий. – Нравится, естественно. Париж есть Париж.

– И все. И все! – жизнерадостно подбодрил его Вуйцеховский. – Вот видите: «Париж есть Париж». И этим все сказано. Зачем усложнять мой вопрос?

– Простите, я... сначала не понял.

– Ничего, это только вначале, потому что обычно я задаю очень простые вопросы. Я годами, го-да-ми, господин Корецкий, приучал себя задавать предельно простые вопросы, – остановился Вуйцеховский напротив рослого Корецкого, с вызовом заложив руки за спину. – Всем, кого хоть изредка принимаю у себя, – он с большими паузами произносил каждое слово в отдельности, чеканя его по слогам, буквально вдавливая его, как терпеливый учитель, представший перед основательно недоразвитым учеником, – всегда задаю оч-чень простые вопросы, на которые и отвечать-то нечего. Кивни головой – и все тут.

Офицер смотрел на него, как на невесту откуда явившегося всемогущего гномика и абсолютно ни черта не понимал из того, что здесь происходит. О чем, собственно, идет речь? Чего от него хотят?

Прошло минуты две, прежде чем, вырвавшись из-под его гипнотического взгляда, майор наконец понял, что этим уточнением тайный советник парировал все его довольно смелые возражения. Никаких иных объяснений ждать не приходится. Но именно тогда, когда Корецкий окончательно убедился в этом, тайный советник вдруг добавил:

– Это вы со мной не встречались. Но я-то знаю вас давно. Подойдите к окну.

– Я всего лишь сказал: «Подойдите к окну», – рассмеялся Вуйцеховский, забавляясь изумительной непонятливостью советника посла в Париже. – К окну всего-навсего. Вам и в этом что-то не понятно? – еще более искренне рассмеялся он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.